

Игра на вылет

Автор:

[Лорен Вайсбергер](#)

Игра на вылет

Лорен Вайсбергер

Дьявол носит Prada

Когда-то Лорен Вайсбергер разнесла в щепки мир высокой моды, глянца и гламура – теперь она грозит развенчать иллюзии большого спорта!

Как далеко можно зайти, чтобы завоевать вершину спортивного олимпа?

Любимица Америки, молодая теннисистка Чарли Сильвер, продала душу дьяволу, став подопечной легендарного тренера Тодда Фелтнера, скандально известного своим тщеславием и невыносимым характером. Тодд загорелся идеей превратить тихую и скромную девушку в королеву глянца, навязывая ей образ селебрити. Теперь с ней работают лучшие модельеры и стилисты, она – своя в мире закрытых VIP-вечеринок, благотворительных приемов и тусовок на шикарных яхтах с голливудскими звездами.

Еще один турнир Большого шлема. Еще одно интервью. Еще одна фотосессия. Звезда Чарли сияет все ярче... а сама она все чаще задает себе вопрос: не слишком ли высокую цену приходится платить за успех в мире, одержимом деньгами и славой? Готова ли она получить все, но потерять себя?

Лорен Вайсбергер

Игра на вылет

Сидни, Эмме, Сейди и Джеку.

Я так вас всех люблю!

Lauren Weisberger

THE SINGLES GAME

Печатается с разрешения литературных агентств International Creative Management, Inc., c/o Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

© Lauren Weisberger, 2016

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Не все клубника со сливками

Уимблдон.

Июнь 2015 года

Не каждый день зрелая особа с тугим пучком на затылке и в фиолетовом костюме из полиэстера приказывает тебе задрать юбку. Резким, деловитым тоном и с британским акцентом.

Бросив взгляд на Марси, своего тренера, Чарли приподняла края плиссированной белой юбочки.

- Выше, пожалуйста.

- Уверяю вас, мэм, там все как полагается, - проговорила Чарли со всей вежливостью, на какую была способна.

Женщина не ответила, лишь прищурилась и окинула ее жестким взглядом.

- Полностью, Чарли, - строго сказала Марси, едва сдерживая улыбку.

Чарли подняла юбку, открыв верхний край белых лайковых шортов.

- Нижнего белья нет, но шорты - двойного слоя. Даже если я сильно вспотею, ничего не будет просвечивать.

- Хорошо, спасибо. - Женщина сделала пометку в блокноте. - Теперь топ, пожалуйста.

В голову пришло не меньше дюжины шуток - это как поход к гинекологу, только в спортивной форме; на первом свидании она не каждому показывает нижнее белье и так далее, - однако Чарли сдержалась. Уимблдонские работники приветливы и вежливы, но никто не заподозрил бы у них наличия чувства юмора.

Она задрала топ так высоко, что он закрыл часть лица.

- Лиф из того же материала. Совершенно непрозрачный, даже если промокнет.

- Да, вижу, - буркнула женщина. - Только вот лента цветная по низу.

– Резинка? Она светло-серая. Вряд ли это можно считать цветом. – Марси ответила спокойно, но Чарли заметила едва уловимую нотку раздражения.

– Мне нужно ее измерить.

Из маленькой поясной сумки, надетой поверх костюма, женщина достала обычную желтую измерительную ленту и тщательно обернула ее вокруг грудной клетки Чарли.

– Закончили? – спросила Марси. Ее раздражение было теперь вполне очевидно.

– Почти. Мисс, ваша кепка, напульсники и носки – приемлемы. Есть только одна проблема, – сказала женщина, поджав губы. – Обувь.

– А что с обувью? – спросила Чарли.

«Найк» буквально лез из кожи вон, чтобы сделать ей кроссовки, полностью удовлетворяющие строгим требованиям Уимблдона. Ее обычный веселый и яркий костюм полностью сменился на белый. Не кремовый, не молочный, не слоновой кости, а чисто-белый. Кожа кроссовок была белой. Шнурки были белые-белые-белые.

– Подошва целиком розовая. Это нарушение.

– Нарушение? – с недоумением переспросила Марси. – Бока, задник, верх и шнурки чисто белые, строго по правилам. Логотип «Найк» даже меньше, чем требуется. Какие проблемы могут быть с подошвой?

– Боюсь, такие крупные цветочные пятна не допускаются даже на подошвах. Ограничение – полоса в сантиметр.

Чарли в панике обернулась к Марси. Та успокаивающе подняла руку.

– Что вы предлагаете, мэм? Через десять минут девочке выходить на Центральный корт. И вы говорите, она не может идти в кроссовках?

– Разумеется, она может идти в кроссовках. Однако, согласно правилам, она не может идти в этих кроссовках.

– Спасибо за пояснение, – фыркнула Марси. – Мы что-нибудь придумаем.

Она схватила Чарли за руку и потащила ее к одной из разминочных комнат в конце раздевалки.

Видя беспокойство тренера, Чарли чувствовала себя как при турбулентности в самолете – когда смотришь на стюардесс, желая убедиться, что все в порядке, и до тошноты боишься увидеть на их лицах панику. Марси тренировала Чарли с пятнадцати лет, когда отец решил, что научил ее всему, что умел. Он выбрал Марси в первую очередь за ее тренерское чутье, но также и потому, что она была женщиной. Мать Чарли умерла от рака груди несколько лет назад.

– Жди здесь. Сделай растяжку, съешь свой банан, ни о чем не думай – сосредоточься на том, как порвешь Аттертон в пух и прах. Я скоро вернусь.

Слишком нервничая, чтобы сидеть, Чарли мерила шагами разминочную и пыталась потянуть икроножные мышцы. Могли они уже остыть?

Карин Гейгер, посеянная четвертой, девушка с крупной квадратной фигурой, из-за которой получила не очень красивое, но любовное прозвище Немка-великанша, сунула голову в комнату.

– Ты на Центральном, да? – спросила она.

Чарли кивнула.

– Там просто сумасшедший дом, – прогудела Карин с сильным немецким акцентом. – В Королевской ложе сидят принц Уильям и принц Гарри. С Камиллой, что весьма необычно, потому что, говорят, они друг друга недолюбливают. А принца Чарлза и принцессы Кейт нет.

– Правда? – спросила Чарли, хотя она уже это знала. Как будто первая в ее карьере игра на Центральном корте Уимблдона не была достаточным стрессом, так она еще должна была играть с единственной посеянной британской

одиночкой. Элис Аттертон в международном рейтинге стояла пятьдесят третьей, но она была молода, и ее считали следующей Великой Британской Надеждой; вся страна будет болеть за то, чтобы она разгромила Чарли.

– Ага. Еще Дэвид Бекхэм. Но его не так уж удивительно видеть – он всегда и везде. И один из «Битлз»... который из них еще жив? Не помню. Да, и вроде бы Наталья сказала, что видела...

– Карин, извини, мне надо сделать растяжку. Удачи тебе сегодня. – Чарли не любила быть грубой, особенно с кем-то из редких приятных девушек в турне, но не могла разговаривать больше ни секунды.

– Да, конечно. И тебе удачи.

Едва исчезла Карин, как в дверях появилась Марси – с большой холщовой сумкой, полной белых кроссовок.

– Быстро, – сказала она, вытаскивая первую пару. – Десятка, по счастью, узкие. Меряй.

Чарли села на пол. Черная коса больно ударила ее по щеке. Она натянула левый кроссовок.

– Это «Адидас», Марси, – сказала она.

– Мне плевать, как «Найк» воспримет, что ты играешь в «Адидас». В следующий раз пусть делают кроссовки как положено – ни им, ни нам не придется волноваться. А сейчас наденешь то, что подойдет по размеру.

Чарли встала и сделала осторожный шаг.

– Надень второй, – сказала Марси.

– Нет, велики. С пятки соскальзывает.

– Следующий! – отрывисто бросила Марси, кидая ей еще один «Адидас».

На этот раз Чарли примерила правый и сразу покачала головой.

– В пальцах тесновато. Мизинец сильно жмет. Может, примотаем мизинец и попробуем...

– Ни за что. Вот. – Марси, расшнуровав пару «Кей-Свисс», надевала их Чарли на ногу. – Должны подойти.

Левый наделся легко и вроде был по размеру. Чарли надела второй и зашнуровала. Кроссовки выглядели громоздкими и некрасивыми, зато оказались по ноге.

– В самый раз, – сообщила Чарли, хотя ощущение было такое, будто на ногах цементные колодки. Она попрыгала, коротко пробежалась и сделала выпад влево. – Тяжеленные, как пара кирпичей.

Когда Марси полезла в сумку за последней парой, из потолочных динамиков прозвучало объявление:

– Внимание, игроки! Элис Аттертон и Шарлотта Сильвер, пожалуйста, подойдите к администратору турнира для выхода на корт. Ваш матч начнется через три минуты.

Марси опустила на корточки и надавила пальцами на мыски кроссовок.

– Тут определенно свободно. Не слишком? Подойдут?

Чарли еще пару раз подпрыгнула. Да, тяжелые, но это определенно лучший вариант из трех. Надо бы, наверное, попробовать последнюю пару, однако она взглянула на открытую дверь как раз вовремя, чтобы увидеть Элис в чисто-белом наряде, идущую мимо разминочной комнаты в сторону корта. Пора.

– Подойдут, – ответила Чарли с большей уверенностью, чем испытывала на самом деле. Выхода нет, невольно подумалось ей.

– Вот и молодец. – На лице Марси мгновенно отразилось облегчение. – Идем.

Марси перекинула через плечо лямку огромной теннисной сумки Чарли и поспешила к двери.

– Помни: подкручивай как можно сильнее. Она плохо справляется с высокими мячами. Пользуйся преимуществом своего роста, бей высокие мячи под левую руку. Тебе потребуется не столько сила, сколько последовательность, точность и разумность. Силу побереги на потом, хорошо?

Чарли кивнула. Они только подходили к турнирному столу, а она уже чувствовала, как напряжены икроножные мышцы. Ей кажется, или правый кроссовок немного натирает в пятке? Да, натирает. Наверняка понадобится пластырь.

– Наверное, стоит попробовать те последние...

– Шарлотта? – Другая женщина в таком же фиолетовом полиэстеровом костюме с юбкой взяла Чарли за локоть и провела ее к последним десяти ступенькам до турнирного стола.

– Пожалуйста, поставьте подпись здесь и здесь... спасибо. Мистер Пул, обе участницы готовы, проводите их на Центральный корт.

Глаза Чарли и ее соперницы встретились на долю секунды. Они вежливо кивнули друг другу. В первый и единственный раз, когда они играли вместе – два года назад, в первом круге «Индиан-Уэллса» – Чарли выиграла со счетом 6:2, 6:2.

Чарли, Марси, Элис и тренер Элис проследовали за мистером Пулом по туннелю, ведущему к самому знаменитому теннисному корту в мире. На стенах по обе стороны висели огромные глянцевые черно-белые фотографии теннисных легенд, вышедших победителями с Центрального корта: Серена Уильямс, Пит Сампрас, Роджер Федерер, Мария Шарапова, Энди Мюррей – сжимающие в руке кубок, целующие его, с высоко поднятой в руке ракеткой, с вздетым в воздух кулаком. Ликование на лицах. Победители. Элис тоже смотрела на фотографии, пока они шли к двери, которая вела на Центральный корт.

Марси с силой сжала предплечье Чарли, и та вернулась в реальность. Она забрала у тренера теннисную сумку и перекинула лямку через плечо, словно

сумка ничего не весила, хотя внутри лежали шесть ракеток, рулон намотки, две бутылки «Эвиан», бутылка «Гаторейд», два сменных костюма (точно таких же, как на ней), запасные носки, напульсники, эластичный бинт для плеч и коленей, пластыри, айпод, наушники, два козырька, капли для глаз, банан, упаковка «Эмерджен-С» и в маленьком боковом кармашке на молнии – ламинированная фотография матери, которая сопровождала Чарли на каждой тренировке и каждом соревновании. Марси и тренер Элис пошли на свои места на трибуне.

Хотя обе соперницы вышли на корт одновременно, Элис, домашнего фаворита, болельщики приветствовали громче. Но не имело большого значения, кого они приветствуют: пульс Чарли участился так же, как на любом матче, большом или маленьком. Только на этот раз она чувствовала трепет в груди и возбуждение. Центральный корт Уимблдона. Она позволила себе быстрый взгляд на трибуны, охватив все взглядом за секунду. Толпы хорошо одетых людей вежливо им аплодировали. «Пиммс». Клубника со сливками. Костюмы пастельных оттенков. Она выступала в Уимблдоне уже целых пять раз, но это – Центральный корт.

Слова «Центральный корт» повторялись в ее мыслях снова и снова, пока Чарли пыталась заставить себя сосредоточиться. Обычно, дойдя до своего стула, она выполняла одни и те же действия: определенным образом ставила сумку, аккуратно расставляла бутылки с водой, надевала напульсники, поправляла козырек. Это помогало собраться. Сегодня она вела себя как обычно, но почему-то продолжала замечать все то, что должно было уйти на задний план: зрителей, камеры, людей, судью на вышке – и больше всего то, как носок соскользнул в кроссовок, чего никогда не случалось прежде с ее собственной обувью. Чарли имела достаточно опыта, чтобы знать: ничего из этого не является особенно добрым знаком. Неспособность контролировать свои мысли перед началом игры редко приводит к чему-то хорошему. Однако отключиться от внешнего мира не получалось.

Разминка прошла как в тумане. Чарли бездумно посылала укороченные удары и свечки, била сопернице то под левую, то под правую руку.

Девушки отступили на задние линии, чтобы сделать несколько подач. Элис выглядела спокойной и уверенной; ее стройные ноги легко передвигались по корту, узкий мальчишеский корпус без видимых усилий сгибался и разгибался, доставая мяч. Чарли напряглась. Хотя новые кроссовки были нужного размера, у нее уже болели своды стоп, а правую пятку саднило. Снова и снова она приказывала себе вернуться в настоящее, к естественному драйву, который

чувствовала всякий раз, когда била по мячу именно так, как задумывала, и он летел точно туда, куда она его посылала. А затем внезапно начался матч. Она проиграла жребий на монете, и ее противница готовилась к подаче, отбивая мяч о корт. Жребий ведь проводили, так? Кажется, да. Почему она не помнит?.. Шух! Мяч пулей просвистел мимо ее правого плеча. Она даже не успела сделать замах. Очко. Первое очко матча в пользу соперницы. Трибуны взревели настолько громко, насколько им позволял британский этикет.

За четыре минуты и тридцать секунд Элис выиграла первый гейм. Чарли взяла лишь одно очко – и то благодаря тому, что Элис сделала двойную ошибку. «Сосредоточься! – кричала она себе. – Матч закончится, не успеешь и оглянуться! Хочешь вылететь из Центрального уимблдонского корта, даже не сделав попытки? Только лузеры так поступают! Лузеры! Лузеры! Лузеры!»

Мысленные крики сработали. Теперь Чарли держала свою подачу и давила соперницу. Она повела в счете 2:1 и начала успокаиваться. Уровень адреналина, который доводил ее до тошноты в начале матча, снизился до спасительно умеренного состояния: Чарли перестала чувствовать сползающие носки, не отвлекалась на лица известных людей в Королевской ложе и не слышала мягких аплодисментов и негромких одобрительных возгласов невероятно благовоспитанной английской публики. Ничего не существовало, кроме ее ракетки и мяча, ничего не имело значения. Она сосредоточилась на мяче и сопернице.

Чарли выиграла первый сет со счетом 6:3. Впрочем, радоваться рано. До окончания матча еще далеко.

Во время смены сторон она выпила немного воды – маленькими размеренными глоточками. Даже это потребовало умственной дисциплины, ведь организм жаждал огромных холодных глотков. Восстановив запас жидкости и съев кусочек банана, Чарли покопалась в сумке и достала запасные носки. Хотя не было никаких оснований надеяться, что они не сползут, Чарли решила попробовать. Ноги выглядели жутко: опухшие, красные, оба мизинца в крови, кожа на пятках свисает рыхлыми водянистыми лохмотьями. На лодыжках – пунцовые синяки от ударов о жесткие края кроссовок. Ступни болели, как будто по ним проехал автобус.

Новые носки показались колючими, как наждак, и ей потребовалась каждая капля силы воли, чтобы засунуть истерзанные ступни в кроссовки. Боль стреляла

от пальцев и пяток, от лодыжек и ступней, даже от косточек под подушечками, которые до этого момента вообще не болели. Чарли пришлось заставить себя туго затянуть шнурки, пока она это делала, судья на вышке назвал тайм. Девяносто секунд отдыха закончились, но она не могла, как обычно, со всех ног бежать на заднюю линию и шла, прихрамывая. «Когда будет возможность, надо принять немного адвила, – думала Чарли, принимая два мяча от подающего их мальчика. – Черт, почему мне не сделали правильную обувь?»

И – бац! – одна эта мысль распахнула ворота для гнева, хуже того: для отвлекающих внутренних разговоров. Какого черта никто не предвидел, что ее обувь сочтут неподходящей? О чем думали спонсоры в «Найк»? Как будто раньше они не одевали теннисистов, выступающих на Уимблдонском турнире! Чарли подкинула мяч в воздух для подачи. Потом второй. Двойная ошибка.

После смены сторон ее первая подача в гейме была слабее обычного, а потом, когда Элис ударила с лета и отправила мяч далеко в аут, Чарли даже не успела шевельнуться. «Теннисисты суеверны. Мы надеваем на матч одно и то же белье. В день матча всегда едим те же завтраки, обеды и ужины. Мы носим амулеты и талисманы, молимся и читаем мантры и каких только безумств не делаем, чтобы уговорить того, кто, может быть, слушает нас наверху: пожалуйста, только в этот разок, пусть мы выиграем это единственное очко – сет, матч, турнир – мы будем так благодарны!..»

Следующая подача Чарли была мощной и точной, но снова она оказалась не готова к приему. Добежала – однако не смогла подойти к мячу правильно, чтобы перебить через сетку. 0:40. Как же получилось, что она надела чужую обувь во время первого матча на Центральном корте? На самое крупное, ответственное соревнование в ее карьере? Она часами выбирала и примеряла подходящие новые кроссовки, когда приходило время для смены обуви, и вдруг – вот просто возьми и надень эту случайную пару.

Гнев охватил ее, и все чувство она передала в мяч, который ушел на полтора фута в аут – и она проиграла первый гейм второго сета.

Чарли посмотрела на трибуну, туда, где сидели Марси, Джейк и отец. Поймав ее взгляд, мистер Сильвер машинально улыбнулся, но Чарли даже с такого расстояния видела беспокойство на его лице. Следующие несколько геймов закончились в один миг, и Чарли сумела выиграть лишь один. Внезапно оказалось, что Элис ведет со счетом 5:2, и что-то в голове Чарли щелкнуло:

соберись.

О, боже. Она близка к проигрышу во втором сете на Центральном корте Уимблдона – игроку, стоящему в рейтинге тридцатью строчками ниже. Играть третий сет сейчас будет адски тяжело. Бесконечно вежливые британские болельщики – по своим меркам, конечно – сходили с ума: гремели аплодисменты, порой даже слышался свист. «Забудь о волдырях, забудь о тяжелых, как кирпичи, кроссовках, забудь о бушующем гневе на людей из своей команды, которые не должны были допустить, чтобы такое случилось. Сейчас ничего не имеет значения. Бей сильнее, бей умнее, бей последовательно, – думала она, крепко сжимая и разжимая руку на ракетке, как часто делала, чтобы расслабиться. – Сжать, отпустить. Сжать, отпустить. Забудь о ерунде и выиграй следующее очко».

Чарли выиграла следующий гейм, потом еще один. Снова она успокоилась, заставила себя думать только об ударе по мячу. Когда она сравняла счет до 5:5, Чарли уже знала, что выигрывает матч. Она глубоко дышала, размеренно, призывая огромные запасы душевных сил, чтобы отключить боль, которая теперь шла от ступней вверх по ногам. Мышцы начало сводить судорогой. Она способна с этим справиться, такое бывало тысячу раз прежде. Фокус. Удар. Перевести дыхание. Удар. Перевести дыхание. В момент счет стал 6:5 во втором сете, и Чарли требовался только один гейм, чтобы выиграть матч. Победа была уже близко, она это чувствовала.

Первая подача Элис была сильно закручена, но слабая по скорости, и Чарли прыгнула за мячом. Очко! Следующая подача была намного сложнее – резаная, – и Чарли ударила точно по линии. Они обменивались сильными глубокими ударами до следующего гейма, пока Элис не отправила мяч укороченным прямо под сетку. Чарли метнулась к нему, едва уловив его взглядом в полете. Быстро, как только ее могли нести ноги, она бежала к сетке, вытянув ракетку вперед. Она успеет, она знала, что успеет. Она почти добежала, мяч был в паре сантиметров от обода ракетки, оставалось только подрезать его и отправить обратно через сетку, когда правая ступня, к которой словно привязали гирию, скользнула вперед. Если бы на ней были ее собственные легкие, правильно подобранные кроссовки, она, возможно, смогла бы остановить скольжение, однако тяжелые колодки пролетели по траве корта, как по льду, и потянули за собой Чарли. Выпустив ракетку, она неуклюже взмахнула руками, пытаясь смягчить падение, а затем... хруст. Она услышала его прежде, чем почувствовала. Наверное, услышали все вокруг. Жуткий звук прозвучал так

громко, что его, должно быть, слышал весь стадион, но даже если они его пропустили, их внимание привлек крик Чарли.

Она сильно ударилась о землю – как ребенок, упавший с верхней койки двухъярусной кровати. Каждый миллиметр ее тела болел. Она не могла понять, откуда именно возник тот ужасный звук. По другую сторону сетки стояла Элис и смотрела на Чарли, тщательно придав своему лицу сочувственное выражение. Отталкиваясь ладонями от ровно постриженной травы, Чарли попыталась подняться и сесть, но ее запястье сложилось, как бумага. Судья на вышке закрыл рукой микрофон и наклонился вперед, чтобы спросить Чарли, нужен ли ей медицинский тайм-аут.

– Нет, я в порядке, – прошептала Чарли. – Просто дайте пару секунд, чтобы собраться.

Она знала, что должна встать и вернуться на позицию. Медицинский тайм-аут восприняли бы как обман: если игрок не истекает кровью, размазывая ее по всему корту, зрители обычно считают, что он должен преодолевать боль. «Терпи», – сказала себе Чарли, делая новое усилие, чтобы подняться. На этот раз она почувствовала боль, которая выстрелила из левой ладони, через запястье и в плечо. Еще два очка, чтобы выровнять счет. «Терпи. Встань и выиграй матч!»

Зрители начали ей аплодировать, сначала несмело, затем со все большим энтузиазмом. Она не была фаворитом, но британцы уважают настоящих спортсменов. Чарли подняла правую руку в знак благодарности и подалась вперед по траве, чтобы взять ракетку. От усилия закружилась голова, и еще больше боли – от ступни, или лодыжки, или голени, невозможно было сказать – стрельнуло вверх по ноге. «Чертовы кроссовки!» – мысленно закричала она. Паника начинала усиливаться. Может, у нее серьезная травма? Может, ей придется уйти из спорта? «Боже мой, что это был за ужасный звук и как долго придется восстанавливаться? До Открытого чемпионата США всего восемь недель...»

Голос судьи на вышке прервал мысли, и звук собственного имени вернул ее в настоящее.

– Я предоставляю мисс Сильвер трехминутный медицинский тайм-аут. Пожалуйста, установите таймер.

– Я не просила медицинский тайм-аут! – проворчала Чарли, хотя ее явно не могли услышать. – Я в порядке.

К ней быстро приближался турнирный врач. Не желая дожидаться его помощи, Чарли подтянула ноги под себя и собрала остаток сил, чтобы встать. Это ей удалось, и теперь она могла оглянуться по сторонам и увидеть едва заметную улыбку Элис и судью на вышке, внимательно следящего за часами на экране. В первом ряду Королевской ложи Дэвид Бекхэм проверял сотовый телефон; ее травма не представляла для него никакого интереса. Правее, в зоне, отведенной команде Чарли, обеспокоенная Марси так сильно нагнулась к корту со своего места, что казалось, сейчас упадет. На лицах отца и Джейка – одинаковое выражение тревоги. Зрители в ожидании возобновления матча весело болтали, потягивая «Пиммс». Врач стоял теперь рядом с Чарли, и как только он коснулся своей прохладной сильной рукой ее запястья, мир внезапно погрузился во тьму.

Глава 2

Любовный департамент

Топанга-Каньон.

Июль 2015 года

Первое, что подумала Чарли, проснувшись после операции на ахилловом сухожилии: «Все кончено. Финиш. Хочешь или нет, придется уйти из спорта». После такой травмы не возвращаются. По правой ступне словно проехал автомобиль, после чего ее собрали заново при помощи кухонного ножа и скрепили ржавой проволокой и резиновым клеем. Боль была неопишуемой, тошнота – мучительной. Ее дважды вырвало в послеоперационной палате и один раз – в больничной койке.

– Это из-за анестезии, – сказала дородная медсестра, проверяя датчики и экраны приборов рядом с койкой Чарли. – Скоро вы почувствуете себя намного лучше.

– А нельзя ей поставить капельницу с морфием? – спросил Джейк, сидевший в кресле у окна. – Чтобы она стонала потише.

Медсестра не ответила – обещала Чарли вернуться попозже с обедом и ушла.

– Она меня любит, – сказал Джейк.

– Несомненно. – Чарли почувствовала волну тошноты и схватила металлический лоток в форме почки.

– Может, мне... ну... подержать твои волосы?

Чарли откашлялась.

– Нет, все в порядке. Прошло.

Должно быть, потом она заснула, потому что, когда она открыла глаза, небо в крошечном окне палаты потемнело, а Джейк жевал гамбургер из «Ин-энд-Аут».

– О, привет. Нормальная еда закончилась. У меня есть еще один гамбургер, если сможешь его переварить.

Джейк обмакнул в соус два кусочка картошки фри и сунул их в рот.

Чарли с удивлением почувствовала, что голодна, и кивнула. Джейк распаковал гамбургер, картошку фри и кока-колу, положил на поднос рядом с ее кроватью. Сунул в газировку соломинку, вскрыл несколько пакетиков кетчупа и поставил поднос на кровать.

– Единственная светлая сторона порванного ахиллова сухожилия и проигрыша в первом круге Уимблдона на Центральном корте, – сказала Чарли.

Она поднесла гамбургер ко рту правой рукой, поскольку левая была в гипсе от большого пальца до локтя. Вкус показался ей восхитительным. Начиная с «Кровавой Мэри» в самолете, когда она летела из Лондона домой в Калифорнию, чтобы лечь на операцию в университетской больнице Лос-Анджелеса, единственным утешением Чарли была еда.

– Может, оно того стоило? – промычал Джейк с набитым ртом. – Кстати, я на днях смотрел передачу об основателях «Ин-энд-Аут». Ты знаешь, что это семейный бизнес и они не намерены продавать его или давать франшизу на свою марку?

– Потрясающе.

– Нет, правда, интересно. Наверняка ты не замечала, что они печатают цитаты из Библии на стаканчиках и обертках сэндвичей.

– Не замечала.

Чарли увидела на дне стакана кока-колы надпись: «Иоанн 3:16», но не имела понятия, что это значит.

– Отец просил тебе передать, что придет, как только освободится. Сегодня в клубе большой прием, какой-то благотворительный вечер. Мне пришлось тысячу раз пообещать, что я не оставлю тебя ни на секунду.

Чарли раздраженно хмыкнула.

– Значит, со мной круглосуточно будут няньки?

– Да. Он убежден, что ты проснешься, думая, что твоя карьера закончилась, и бросишься с ближайшего моста. Или, может, ляжешь на рельсы. Мостов-то поблизости нет...

– Я думаю, он будет счастлив, если я уйду из спорта. Сколько миллионов раз он говорил, что игра в теннис – не лучший способ прожить жизнь?

– Много миллионов раз. Но он знает, что ты этого хочешь, Чарли. Он достаточно хороший отец, чтобы поддерживать своих детей в том, чем они хотят заниматься, даже если сам не одобряет этого занятия. В твоем случае – профессиональный теннис, в моем – свидания с мужчинами. Уверен, ни то, ни другое не приводит его в восторг.

Доедали гамбургеры в уютной тишине. Чарли пыталась представить, чем сейчас занят отец. Уже более двадцати лет он преподавал в клубе «Гольф и ракетка» в Бирчвуде. Когда Чарли было три года, они переехали в Топанга-Каньон из Северной Калифорнии, где мистер Сильвер работал тренером по теннису в элитной школе-интернате, потому что бирчвудский клуб обещал более ответственную должность и более высокую зарплату. Несколько лет спустя его повысили до главного инструктора, и теперь он вел обе программы – и теннис, и гольф, хотя мало что знал о гольфе.

Большую часть времени мистер Сильвер занимался инвентаризацией, наймом работников и улаживал мелкие конфликты с членами клуба, и Чарли знала, что он скучает по настоящей тренерской работе. Иногда он преподавал, чаще старожилам и маленьким детям, но в шестьдесят один год он не мог угнаться за молодыми профессионалами, которые двигались быстрее и сильнее били по мячу. На более молодых инструкторов спрос был выше, и мистер Сильвер чаще всего сидел в магазине клуба, или в главном офисе, или даже у станка для натяжки струн теннисных ракеток. Если сегодняшнее благотворительное мероприятие было таким же, как всегда, отец будет играть в гольф с детьми, пока их родители угощаются канапе в зале, выходящем окнами на девятую лунку. Хотя отец никогда не жаловался, Чарли становилось тоскливо, когда она думала о том, как он развлекает восьмилетних детишек, пока его коллеги пьют и танцуют.

– Как думаешь, почему папа до сих пор этим занимается? – спросила Чарли, отодвигая поднос. – Сколько уже? Четверть века?

Джейк приподнял бровь.

– Потому что не учился в колледже. Потому что гордый и не возьмет от нас с тобой ни цента. Потому что на пике формы больше интересовался женщинами, чем карьерой, пока не встретил маму, а к тому времени, как родился я, было слишком поздно возвращаться в школу. Да ты и сама все это знаешь.

– Знаю. Но почему он хотя бы не переедет? С тех пор как умерла мама, нас здесь ничего не держит. Почему бы не попробовать где-нибудь еще? В Аризоне или Флориде? Или даже в Мексике? Не сказать, чтобы он вел в Лос-Анджелесе такую уж веселую жизнь, по которой будет скучать.

Джейк опустил взгляд на свой телефон и неловко кашлянул.

– Не знаю, в каких городах выстраиваются в очередь, чтобы нанять на работу шестидесятилетнего профи, имеющего скромный опыт в турнирах сорокалетней давности. Тот, кто – неловко говорить, но будем называть вещи своими именами – спит с каждой женщиной, которой понадобится помощь с ее ударом слева. Учитывая все обстоятельства, в Бирчвуде относятся к нему очень хорошо.

– Меня чуть не стошнило.

Джейк закатил глаза.

– Он взрослый человек, Чарли.

– Как думаешь, он счастлив? Ему нравится его жизнь?

Отец работал практически круглые сутки, чтобы дать им все, что было у их богатых одноклассников: летний лагерь, уроки музыки, ежегодные походы в национальные парки. И, конечно, уроки тенниса. Он начинал учить их сам, когда им было четыре года. Джейк вскоре потерял интерес, и мистер Сильвер никогда его не заставлял. Но Чарли любила свою маленькую розовую ракетку, любила бег и упражнения на выносливость, любила трубку, которой подбирала мячи. Ей нравилось наполнять маленькие бумажные конусы ледяной водой из кулера и счищать глину с кроссовок напольной щеткой, нравилось, как пахнут новые теннисные мячи, когда впервые открываешь банку. А больше всего ей нравилось безраздельное внимание отца. Его лицо озарялось всякий раз, когда она выбегала на корт с туго заплетенной косичкой и в фиолетовом полосатом костюме, и он полностью сосредотачивал на ней все внимание. Ей принадлежал тот взгляд, который обычно предназначался какой-нибудь женщине из бесконечной череды разведенек среднего возраста, затянутых в слишком узкие и слишком короткие платья, в густом облаке духов, которые висели на его руке и неискренне хвалили комнату Чарли, или ее косу, или ночную рубашку, прежде чем уйти с ее отцом в ресторан.

Иногда женщины были моложе, не имели детей и сюсюкали с Чарли и Джейком, будто с животными в зоопарке, или приносили им не слишком продуманные, не по возрасту подарки: пушистую коалу для Чарли, когда ей было пятнадцать, или термочехол для пивных бутылок семнадцатилетнему Джейку.

Были женщины, с которыми мистер Сильвер знакомился в клубе; женщины, с которыми он знакомился в «Рыбной хижине» на Малибу-Бич; женщины, которые проезжали через Лос-Анджелес, следуя из Нью-Йорка на Гавайи или из Сан-Франциско в Сан-Диего. Мистер Сильвер не ждал от детей большего, чем вежливого «здравствуйте» за утренним тостом, но ему, казалось, не приходило в голову, что постоянное присутствие разовых партнерш на семейном завтраке – не самый здоровый пример. Некоторые из них задерживались – у Чарли остались яркие воспоминания об очень доброй, чрезвычайно худой женщине по имени Ингрид, которая вроде бы искренне интересовалась обоими детьми, – но в основном они быстро исчезали.

Зато на теннисном корте мистер Сильвер был полностью сосредоточен на Чарли. Это были единственные часы, когда он не работал, не рыбачил, не встречался с очередной дамой. Когда они выходили на корт в Бирчвуде – часто поздно вечером, когда платные члены клуба были дома со своими семьями, – внимание мистера Сильвера фокусировалось узким лучом света, который согревал Чарли, едва она в него попадала. Это единственное, что не изменилось после смерти матери: очевидное удовольствие, которое отец получал, обучая Чарли любимой игре.

Он вкладывал в работу всю душу с первого момента, когда дочка топала за ним по корту, как утенок за уткой, пока он показывал заднюю линию, коридоры, линию подачи и забеги, до того дня, когда Чарли в тринадцать лет по-честному выиграла у него гейм. Мистер Сильвер на радостях кричал так громко, что пришел охранник, чтобы узнать, не случилось ли чего. Они продолжали регулярно заниматься, даже когда умерла мать Чарли. Женщины, которые составляли ему компанию в последующие годы, тем более не могли им помешать. Отец научил Чарли всему, что она знала – удары, работа ног, стратегия и, конечно, спортивное поведение. И только когда в возрасте пятнадцати лет она выиграла «Оранж Боул», детско-юношеский турнир Большого шлема, мистер Сильвер заявил, что ей нужен тренер более высокого уровня.

Джейк потянулся в кресле рядом с ней и громко вздохнул.

– Доволен ли он своей жизнью? – Брат потер подбородок. – Наверное. На работе у него дела так себе, зато в любовном департаменте все отлично.

– В любовном департаменте? – Чарли протянула руку за голову, чтобы поправить подушку. – Мерзко звучит.

– Да ладно тебе! Двадцать четыре года – достаточный возраст, чтобы признать, что наш отец бабник. Бывают вещи похуже.

– Например?

– Когда мать такая.

Чарли не могла не улыбнуться.

– Точно.

Пиликнул телефон. Она так быстро повернулась, чтобы схватить его с тумбочки, что ступня чуть-чуть сдвинулась, и ногу прострелила боль.

«Играешь в Нью-Хэйвене?» – спрашивал Марко в сообщении.

Она снова улыбнулась, несмотря на боль и мысль о том, что нет, она не играет ни в «Коннектикут Оупен», ни в Открытом чемпионате США, ни в каком-либо из азиатских турниров. Хорошо, если будет готова к Австралии в следующем году.

Привет! Только что после операции. Буду восстанавливаться. Скрести пальцы, чтобы мне удалось сыграть в Австралии в январе...

Бедняжка! Сочувствую. Ты в порядке?

– У тебя есть парень, о котором ты мне не рассказывала? – спросил Джейк. В его глазах мгновенно зажегся интерес.

«Спасибо! Удачи в Цинциннати. Скучаю!» – набрала она и пожалела в тот же момент, как нажала «Отправить». Скучаю? Она даже не осознавала, что затаила

дыхание, дожидаясь ответа от Марко, пока Джейк снова не заговорил.

- Эй, Чарли!.. Серьезно, полегче с телефоном, ты его сейчас раздавишь.

Она ослабила хватку. Ответа пока не было.

- Хочешь, что-нибудь посмотрим? Я взял кабель, можем подключить мой айпад к здешнему телевизору и посмотреть «Плавание с акулами».

Телефон снова пиликнул. В сообщении было всего одно слово, но самое важное:

Целую.

Чарли отложила телефон и, не в силах стереть улыбку с лица, сказала:

- Здорово! Давай посмотрим.

* * *

- Давай, Чарли. Еще разок! Ты ведь не такая размазня, что не осилишь еще один подход? - закричала Рамона.

Никто в реабилитационном тренажерном зале и бровью не повел.

Чарли лежала на скамье тренажера для жима ногами и не могла заставить себя толкнуть вес поврежденной ногой, как того требовала Рамона. Она прижимала сломанное запястье к груди и помогала себе здоровой ногой. Рамона оттолкнула ее левую ногу.

- Толкай! - скомандовала она. - Ахиллово зажило, но ты не укрепишь его, если не будешь тренировать!

- Я стараюсь, клянусь, я стараюсь, - выдохнула Чарли сквозь зубы.

Рамона хлопнула крупной мужской рукой по своему бедру, мощному, как ствол дерева.

- Значит, старайся лучше!

Чарли улыбнулась, преодолевая боль, сделала еще три жима, чтобы доказать, что она не размазняется, и без сил рухнула на синий коврик.

- Молодец. На самом деле ты неплохо сегодня поработала. Завтра, здесь же, в это же время, - бросила Рамона через плечо, уже направляясь к следующему клиенту, игроку «Лейкерс», который восстанавливался после травмы плеча.

- Жду не дождусь, - пробормотала Чарли, с трудом вставая.

- Отлично, - сказала Марси, идя за Чарли в раздевалку. - Огромное улучшение для пяти недель.

- Ты думаешь? У меня такое чувство, что восстановление займет вечность.

Чарли стянула мокрые от пота шорты и футболку и вытерла полотенцем подмышки.

Марси проводила ее до горячей ванны и села рядом на скамейку. Чарли осторожно опустилась в воду, от которой шел пар.

- Ты делаешь все правильно и точно по графику. Вернуться в спорт через шесть месяцев после разрыва ахиллова сухожилия и перелома запястья - непростая задача. Даже пять, если учесть, что один месяц потребуется для тренировки перед Австралией. Большинство обычных людей не смогли бы восстановиться так быстро, что уж говорить о профессиональных спортсменах, которым нужно конкурировать на самом высоком уровне. Здесь главное терпение.

Чарли откинула голову и закрыла глаза. Она сгибала и разгибала ноги, чтобы растянуть ахиллово сухожилие в горячей воде. Хотя это все еще причиняло дискомфорт, стреляющая боль, которую она долго испытывала после операции, к счастью, прошла.

– Даже не верится, что смогу ходить не прихрамывая. Как я буду прыгать, разворачивать корпус и делать выпады?

Густые светлые волосы Марси были так туго перехвачены резинкой, что ее хвостик не шевельнулся, когда она поставила локти на колени, подалась вперед и в упор посмотрела на Чарли.

– А ты не думала о том, что это может занять больше времени? Что, возможно, ты не успеешь подготовиться к Австралии?

Чарли открыла глаза и посмотрела на Марси.

– Честно? Нет. Доктор Коэн сказал, что восстановиться за шесть месяцев полностью – реально, и именно это я планирую сделать.

– Я понимаю, Чарли, и уважаю тебя за это. И все же было бы не лишним обсудить запасной план, если по какой-либо причине так не получится.

– Что тут обсуждать? Я буду работать до седьмого пота и, надеюсь, выступлю на австралийском чемпионате в январе. Если не выйдет – например, сохранится риск усугубить травму, – подожду немного дольше. Каков наихудший сценарий? Начать с соревнований в Дохе в феврале?

Марси молчала. Чарли делала маленькие круги в воде правой рукой, стараясь не намочить гипс на левой. Она каждый день благодарила свою счастливую звезду за то, что повредила не игровую руку; все врачи заверяли, что это не повлияет на удар слева.

– Почему ты так нервничаешь?

– Ничего, просто... – Марси замолчала, опустив глаза на мокрый кафельный пол.

– Выкладывай. Seriously, мы слишком давно знаем друг друга, чтобы ходить вокруг да около. Что у тебя на уме?

– Понимаешь, моя работа – рассмотреть все варианты, учесть любые возможные препятствия...

Чарли чувствовала нарастающее раздражение, но она глубоко вздохнула и заставила себя говорить ровным тоном:

– И что?

– По-моему, надо обсудить, что будет, если твои травмы окажутся более... неподатливыми.

– То есть если я не смогу полностью восстановиться?

– Я уверена, что сможешь, Чарли. Доктор Коэн – замечательный врач и работал с подобными травмами раньше. Но каждый человек индивидуален, и все усложняется, когда речь идет о профессиональном спортсмене высокого уровня.

– К чему ты ведешь? Боюсь, я догадываюсь – и не могу поверить.

Нельзя сказать, что они никогда не спорили – Чарли и Марси проводили вместе больше трехсот дней в году, – однако, как правило, они спорили о рутинных бытовых вещах: место в самолете, во сколько идти на завтрак, смотреть «Охотники за недвижимостью» или «Братья-риелторы». Сейчас разговор был чреват чем-то более серьезным.

– Я всего лишь предлагаю обсудить варианты, – сказала Марси. – Если ты вдруг окажешься в числе тех спортсменов, которые не в состоянии полностью восстановиться от травмы, думаю, нам надо быть к этому готовыми.

– Понятно.

– Чарли, не обижайся, я в тебя верю, правда. Однако не все нам подвластно.

– Только не в моем случае, – тихо проговорила Чарли.

– Я надеюсь, что ты права, но есть вполне реальная возможность того, что... восстановление может затянуться.

– Что я не вернусь в спорт? Можешь так и сказать.

– Прекрасно, так и скажу. Что не вернешься в спорт. Да, маловероятно – но мы должны об этом поговорить.

Чарли поднялась из воды и взяла полотенце. Она ничуть не стеснялась своей наготы, даже сейчас, несмотря на их разговор – они с Марси были как сестры. Завернувшись в полотенце, Чарли села на скамейку рядом с ней.

– Я не согласна. Не хочу об этом говорить.

– На мой взгляд...

– Если честно, я расстроена тем, что ты даже рассматриваешь такую возможность.

Марси замялась.

– Это не имеет ничего общего с моим мнением о тебе, или твоей игре, или твоей способности все преодолеть. Просто статистика, Чарли. Некоторые возвращаются после подобных травм, некоторые нет.

– Какова альтернатива? – спросила Чарли, смахивая со лба ручеек пота. – Предлагаешь сдаться?

– Конечно же, нет. Будем работать до конца. Надеюсь, все у нас будет хорошо.

– Хорошо? Это наша большая цель? Что все будет хорошо? – Чарли осознавала, что ее голос звучит сварливо, но ничего не могла с собой поделать. Раздражение, накатившее минутой назад, быстро переходило в откровенную злость.

– Чарли. – Голос Марси был таким же тихим и сдержанным, как и она. И какой была Чарли – до страшного падения на Уимблдоне, которое сломало ей не только лодыжку, но и жизнь.

С четырехлетнего возраста в ее жизни не было такого долгого периода, как последние несколько недель, чтобы она не брала в руки ракетку. Она часто

задумывалась, каково это: сделать перерыв, уйти из тенниса, жить обычной жизнью. Теперь она знала – каково, и ощущение было ужасным. Конечно, есть огромная разница между реабилитацией и лежанием на диване в доме отца или на шезлонге у бассейна в карибском отеле, но Чарли с изумлением понимала, как сильно скучает по игре. Она хотела вернуться. Более чем хотела – отчаянно жаждала и просто не могла слышать, как ее верный друг и тренер рассуждает, что, возможно, в ее будущем нет места теннису.

– Марси, я хочу, чтобы ты ясно поняла: я вернусь после этой травмы. Я войду в первую десятку. Я выиграю турнир Большого шлема. И мне нужно, чтобы ты в это верила. Мне двадцать четыре года. Не старость, конечно, но моложе я не становлюсь. Если я когда-нибудь собираюсь сделать прорыв, то сейчас. Не через два года. Не через три. Я слишком много работала, чтобы теперь сдать, и я надеюсь, что ты тоже сдаваться не намерена.

– Конечно, я не сдаюсь! Никто не верит в твой потенциал больше, чем я. И все же мы должны честно и рационально обсудить реальное положение дел.

– Ты допускаешь мысль, что я уйду из-за травмы, потому что ты поступила так из-за своей, – вырвалось у Чарли.

Она сразу пожалела об этом. Марси вздрогнула, как будто ее ударили.

– У меня была совершенно другая ситуация.

Теперь настала очередь Чарли молчать. Настолько ли другая? Марси повредила вращательную манжету плеча, причем дважды. В первый раз она выбрала реабилитационный центр вместо хирургического вмешательства, и плечо не успело восстановиться. Когда она порвала мышцу во второй раз, было уже поздно: хирургия не могла поправить ситуацию. Ей следовало, по крайней мере, попытаться – все врачи так считали, – однако в возрасте двадцати семи лет Марси объявила о своем уходе.

– Ну, если ты так говоришь...

– Если я так говорю? Чарли, мои шансы на полное восстановление – так, чтобы я могла снова играть – оценивали в десять процентов. А операция могла принести больше вреда, чем пользы, и реабилитация заняла бы год. Куда я отправилась

бы с такими перспективами? Не вверх по рейтинговой таблице, это точно.

Они вышли в раздевалку, и Чарли начала дрожать. Она взяла еще одно полотенце и накинула его на плечи. Затем повернулась и посмотрела Марси прямо в глаза.

– Я хочу, чтобы ты поддерживала меня, чтобы сказала мне, что я вернусь и стану сильнее, чем прежде. А не сомневалась, буду я снова играть или нет, – тихо произнесла она.

– Мы все решим, дорогая, я обещаю, но сейчас мне надо бежать. Уилл ждет в ресторане. У нас сегодня юбилей.

Чарли подняла голову.

– Да? Я даже не знала, что он приехал с тобой.

– Да. Воспользовался длинными выходными. Завтра мы с ним летим обратно во Флориду.

– Поздравь его от меня с юбилеем.

– Все будет отлично, Чарли. Не отлично – великолепно. Ты сейчас делаешь громадную работу по реабилитации. Я вернусь через три недели, чтобы проверить, как ты, а пока займусь подготовкой к Австралии в январе. Хорошо?

– Хорошо, – сказала Чарли, хотя от этого разговора испытывала тошноту.

Они наклонились друг к другу, и Чарли поцеловала Марси в щеку.

– Желаю вам хорошо повеселиться.

– Спасибо. Я еще поговорю с тобой завтра.

Чарли проводила ее взглядом до двери.

Она быстро приняла душ, затем натянула белые джинсы и топ на бретельках. Убедившись, что в раздевалке больше никого нет, набрала номер Джейка.

Когда он ответил, Чарли услышала на заднем плане гул голосов.

- Где ты?

- Догадайся с первого раза.

- Опять гоняешься за тем инструктором? Как его? Какое-то смешное имя... Герман?

- Нельсон. И если бы ты взяла у него хотя бы один урок, ты бы в него влюбилась.

- Терпеть не могу велотренажеры. Я чуть не умерла, когда ты затащил меня на занятие в свой клуб.

- Ты профессиональная спортсменка, Чарли. А в классе была куча бизнесменов с Уолл-стрит, которые слишком много пьют, и мамаш, которые слишком мало едят. Ты отлично справилась.

- Я не это имела в виду, ты знаешь... Послушай, у тебя есть минутка?

Джейк отвлекся, приветствуя кого-то, а затем с кем-то прощаясь, и она представила, как он с полотенцем вокруг шеи выходит на оживленную нью-йоркскую улицу.

- Все, я твой. Что случилось?

- Помнишь, ты говорил, что Тодд Фелтнер уходит на покой? Когда это было? Два месяца назад?

- Да, примерно так. Объявил прямо перед Уимблдоном, что сделал все, что хотел, поэтому берет тайм-аут, чтобы продумать следующий шаг. А что?

– А то, что я хочу быть его следующим шагом. – Чарли сама удивилась своей уверенности.

– Чего-чего?

– Я хочу нанять Тодда Фелтнера и хочу, чтобы ты мне в этом помог.

Последовало молчание.

– Чарли? Не объяснишь, что происходит? – В голосе Джейка звучала нотка беспокойства, если не паники. Он был не только ее братом, он был ее менеджером, а в жизни профессионального теннисиста нет решения важнее, чем выбор тренера.

– Слушай, мне надо встретиться с папой, так что нет времени все объяснять. В общем, у меня давно были сомнения по поводу Марси. И сегодня они подтвердились. Знаешь, что она мне сказала?

– Нет. Что?

– Она спросила, каков мой запасной план на случай, если ахиллово не заживет и я не смогу больше играть.

– Почему она так спросила? Доктор Коэн уверен, что все прекрасно заживет. Она знает что-то, чего не знаю я?

– Нет, просто обсуждала варианты. Довольно настойчиво. Тебе не надо объяснять, что это делает с моим настроением, не так ли?

Джейк промолчал.

– Я поддержала ее, когда она сказала, что не хочет больше проводить так много времени в поездках, поскольку лечится от бесплодия. Когда мой тренер не присутствует на некоторых небольших турнирах – это не так просто для меня, и не лучше для моей карьеры, но я понимаю, почему ей сейчас нужно больше свободного времени. Я старалась не винить ее за ситуацию на Уимблдоне, хотя мы оба знаем: она должна была заранее убедиться, что моя обувь подходит по

всем параметрам. То, что мне пришлось надеть чужие кроссовки, – безумие. И вот результат.

– Угу, – промычал Джейк.

Чарли чувствовала, что он слушает очень внимательно.

– Но с ее сомнениями я мириться не могу. У меня сломано запястье, разорвано ахиллово, и я вынуждена покинуть спорт на шесть месяцев. Мне и так трудно, не описать, что я переживаю. А мой собственный тренер выражает сомнение в том, что я когда-нибудь восстановлюсь, чтобы снова играть! Настойчиво предлагает обсудить запасные варианты! Мне нельзя такого допускать.

– Понимаю, – сказал Джейк. – Правда, очень хорошо понимаю.

– Такие сомнения – яд. Теперь, глядя на нее, я буду знать: она думает, что мне не выйти снова на корт. Может, и есть шанс, что я никогда не буду играть на элитном уровне. Однако ни мне, ни моему тренеру нельзя акцентировать на этом внимания. Я люблю Марси, ты знаешь, как я ее люблю. Все эти годы она была мне как мать. Но мне почти двадцать пять лет, Джейк. Не старуха, конечно, и все же у меня мало времени, если я действительно хочу чего-то достичь. А я хочу. Годы жертв и напряженной работы не должны пропасть зря. Я хочу выиграть Шлем, и мне с каждым днем становится все яснее, что с Марси этого не добиться.

– Пожалуй, ты права, – тихо произнес Джейк. – Но Фелтнер? Ты действительно готова идти по этому пути?

– Я знаю, что он ужасен. Я слышала все эти истории. Но он, без сомнения, лучший. А я хочу лучшего.

– Он никогда раньше не тренировал женщин.

– Может, он еще не встретил правильную женщину! Ты сам говорил мне, что он скучает без дела. Чем он занимается? Целыми днями загорает на Палм-Бич?.. Устроишь мне с ним телефонный разговор? Мне нужно пять минут.

– Конечно, я постараюсь, но, на мой взгляд, вряд ли он согласится. И потом, иметь Тодда Фелтнера в качестве тренера не такое уж удовольствие, Чарли. Я поддерживаю тебя на все сто процентов – если ты хочешь его, я сделаю все, что смогу, но, пожалуйста, не обманывай себя, думая, что он сказочный единорог, который домчит тебя к вершине рейтинга. Он настоящий живодер.

Чарли улыбнулась.

– Свяжи нас, хорошо? Я всем сердцем люблю Марси, однако мне нужно делать то, что лучше для моей карьеры. Пусть он станет моим живодером.

Глава 3

Не самые интересные сплетни

Бирчвудский клуб «Гольф и ракетка».

Август 2015 года

Чарли закрутила в пучок мокрые волосы и дохромала до своего джипа. До Бирчвуда ехать не меньше пятнадцати минут; выходит, уже опоздала. Она быстро наговорила на его голосовую почту извинения, сказала, что едет, и завела машину. И тут зазвонил телефон. Подумав, что перезванивает Джейк, Чарли, не глядя на номер, включила спикер кнопкой на рулевом колесе. В динамиках машины загремел незнакомый мужской голос.

– Шарлотта? Шарлотта Сильвер?

– Да. Будьте добры, кто спрашивает?

Говорю как девятилетка, подумала она. Отвечать на телефон этой фразой Чарли научила ее мать.

– Тодд Фелтнер.

Чарли ошеломленно молчала. Она попросила Джейка связать ее с Тоддом всего минуту назад и полагала, что это случится не раньше чем через несколько дней, а то и недель.

– Здравствуйте, мистер Фелтнер. Большое спасибо за звонок. Джейк сказал, что вы могли бы, вероятно...

– Я слышал, ты только что после операции?

Чарли была в восторге, что он позвонил, и старалась не думать о том, как грубо он разговаривает спустя всего десять секунд после приветствия.

– Да. Я смогу играть не раньше чем через несколько месяцев, но готовлюсь изо всех сил. Я только что вышла из реабилитационной клиники.

– Зачем?

Чарли даже посмотрела на свой телефон, лежащий рядом на пассажирском сиденье, как будто он мог как-то объяснить странный вопрос Тодда.

– Зачем? Что вы имеете в виду?

– Зачем ты убиваешься в реабилитационном центре? Может, я путаю, но твой брат говорил, что ты порвала ахиллово. У меня был игрок в две тысячи шестом году с точно такой же травмой, и он от нее не оправился. И он еще сломал запястье – как и ты, насколько я понял?

Ну и хам! Если бы это был кто-нибудь другой, Чарли спокойно сказала бы, что это не его дело, и положила трубку. Но Тодд все-таки являлся живой легендой: его ученики выиграли больше турниров Большого шлема, чем ученики любого другого тренера, его воспитанники занимали первые места в рейтинге, он возвращал игроков на корт после травм, наркомании, нервных срывов, даже химиотерапии – и они играли еще лучше, чем прежде. Если в мужском теннисе есть знаменитость, волшебник и гуру в одном лице, то это Тодд Фелтнер.

Чарли кашлянула.

– Да, у меня действительно был несложный перелом запястья. К счастью, запястье левое. Врачи говорят, что рука восстановится полностью, и это не повлияет на мой удар слева. Гипс скоро снимут.

– У тебя прекрасный удар слева одной рукой, – заявил Тодд. – Чистый и мощный. Он так же хорош, как твой удар справа. Редкость для женщины. Редкость для любого теннисиста.

– Спасибо, – сказала Чарли, надуваясь от гордости. – Очень приятно услышать такое от вас.

– Поэтому жаль, если тебе придется отказаться от спорта. Не совсем, конечно, но ты не будешь играть в престижных турнирах. Ты можешь полностью вылечить свои кости и сухожилия у самых лучших ортопедов, но психологически это тебя доконает. Я видел такое тысячу раз.

– Не понимаю, – проговорила Чарли, тщательно выбирая слова. – Вы тренировали Надаля после ужасной травмы колена, и он выиграл Открытый чемпионат США. Всего через год!

– Ты сравниваешь себя с Рафаэлем Надалем?

Чарли почувствовала, что краснеет.

– Нет. Конечно, нет. Однако кому, как не вам, знать, что игроки часто оправляются от травм, возвращаются в теннис и играют еще лучше. Я знаю, это будет сложно, но возможно. И я готова работать.

Чарли проверила зеркала и выехала на шоссе. Ее пульс участился. Кем он себя возомнил? Звонит сказать ей, что она обречена на провал? Но вдруг это правда? Если и Марси, и Тодд Фелтнер уверены, что она не вернется в большой спорт, не обманывает ли она сама себя, думая, что у нее получится?

– Дружеский совет: защити себя от разочарований и подумай о раннем уходе. Уйдешь изящно, на пике карьеры. На каком месте ты была в статистике до

травмы? Двадцать два? Двадцать пять? Это чертовски здорово, это лучше, чем большинство игроков смеет даже мечтать. Уйди достойно сейчас, залечи свои травмы, и сможешь играть непрофессионально до конца жизни. Черт, ты даже можешь завести семью, если уйдешь сейчас. Это удастся не многим теннисисткам.

Чарли стиснула руль вспотевшей рукой, мгновенно забыв обо всех званиях и достижениях Тодда Фелтнера, и, стараясь говорить как можно спокойнее и ровнее, ответила:

– Послушайте, мистер Фелтнер. Не знаю, почему вы говорите это, но позвольте мне кое-что прояснить. Я вернусь. Я попаду в первую десятку. И выиграю Большой шлем. Я даже думаю, что смогу стать номером один. Потому что я боец, я не тот большой ребенок, которого вы когда-то тренировали, мистер Фелтнер. Я не для того каждый день после школы работала по шесть часов и выполняла домашние задания при свете бардачка автомобиля, когда ехала домой после турниров, чтобы теперь сдать. Я не ходила в кино, не ездила на экскурсии, пропустила выпускной и не болталась в торговом центре, не высыпалась, не напивалась, не целовалась с парнями на вечеринках. И не для того мой отец вкалывал день и ночь, обучая теннису богатых дамочек и избалованных детишек, чтобы я спасовала перед первой же трудной задачей. И, конечно, не для того я бросила колледж после первого курса – лучшего года в моей жизни, – чтобы теперь уйти из спорта. Я невероятно уважаю все то, чего вы достигли в своей профессии, и я мечтала о таком тренере, но теперь очень прошу: держите свое мнение при себе. Мне жаль, что я впустую потратила ваше время, мистер Фелтнер. Я ошибалась, вы мне явно не подходите.

– Шарлотта? Не вешай трубку. – Тон Тодда был твердым, но она слышала и примирительные нотки.

– Я сказала все, что хотела.

– А я нет. Считаю, ты меня убедила.

– Простите?

– Я согласен тренировать тебя. Я сомневался, что в тебе хватит огня, однако теперь вижу, что хватит. Я твой.

Чарли ошеломленно молчала.

– И зови меня Тодд, черт побери. Помочь тебе могу только я. Ты это знаешь, и я это знаю. Надо встретиться, чтобы обсудить детали. Я лечу через Лос-Анджелес на следующей неделе по пути на Гавайи и попрошу секретаря назначить встречу. Правильный настрой, Сильвер. Мы с тобой надерем всем задницы!

Телефон отключился. Чарли была настолько потрясена, что ей пришлось притормозить, чтобы не столкнуться с едущим впереди автомобилем. Примерно милю она тащилась, как старушка, – в крайнем правом ряду, прежде чем велела телефону набрать Джейка.

– Ты не поверишь, с кем я только что говорила! – выпалила она.

Судя по шуму, Джейк шел от своего спортклуба к метро, где сядет в поезд до Гарлема. Потом он переоденется, побреется и помчится в офис.

– Хм, дай подумать. Вряд ли с Фелтнером... Хотя я звонил ему четыре минуты назад, и он сказал, что сразу же тебя наберет.

– И ты меня не предупредил?!

– Когда Тодд Фелтнер сразу соглашается кому-то позвонить, я не буду просить его подождать, пока мы с тобой поахаем. Десять минут назад ты казалась чертовски уверенной в своем выборе. Как прошел разговор?

– Он согласился меня тренировать! – Чарли сама едва верила словам, которые она произнесла.

– Он... что?

– Согласился. Тодд Фелтнер сказал, что я его убедила, что во мне есть огонь. Не помню точно. Сначала повел себя как придурок, а потом я выдала ему все, что думала – вежливо, конечно, – и он сказал, что согласен.

– О, боже мой!

- Почему ты удивлен? Мне немного обидно.

- Чарли, ты уверена, что этого хочешь? Я понимаю, чем он привлекает, действительно понимаю, но этот парень - не шутка.

Честно признаться, Чарли неприятно поразили грубые манеры Тодда. Он был полной противоположностью Марси, чья сдержанность успокаивала Чарли в течение десяти лет. Но она была готова к переменам. Нет, даже больше, - перемены ей были необходимы.

- Да, он груб в общении, и, конечно, я еще подумаю, однако я верю, что это одна из тех возможностей, которые могут по-настоящему изменить мою жизнь. Пожалуй, единственная возможность. Взгляни на картину в целом. Мне надо сделать шаг от хорошей спортсменки к великой. От победителя к чемпиону. Тебе важно, чтобы я стала чемпионом? Нет. Папе? Конечно, нет. Я знаю, вы оба будете по-прежнему любить меня, если завтра я решу бросить теннис и стану парикмахером. Но мне - важно, Джейк. Не могу даже объяснить, насколько это для меня важно. Надо быть сумасшедшей, чтобы упустить подобный шанс.

- Тодд, конечно, лучший, - тихо произнес Джейк.

- Он лучше, чем лучший. Ненавижу констатировать очевидное - и презираю неуважительное отношение к женщинам в спорте, - но мне лестно думать, что он возьмет меня, когда есть десятки великолепных мужчин-теннисистов, каждый из которых наймет его в пять секунд.

Это была печальная правда: спортсмены-мужчины получают больше призовых денег, привлекают больше зрителей на стадионы, заключают более выгодные спонсорские контракты, и поэтому все хотят работать с ними.

- Что дальше? - спросил Джейк. - О чем вы договорились?

- Он приедет в Лос-Анджелес. Мы встретимся. Ты ведь тоже приедешь, да? Я не могу без тебя.

- Конечно, - без колебаний ответил Джейк. - Я куплю билет, как только ты скажешь.

Чарли повела джип на съезд с магистрали и притормозила у знака остановки. До клуба оставалось меньше мили, когда она вдруг вспомнила, с кем сейчас встречается.

- Папе пока ничего не говори, хорошо? Мы оба знаем, как он это воспримет.

- Заметано. Мне надо бежать, детка. Позвони, когда закончите с папой. И... Чарли, я понимаю. Наверное, ты права.

- Спасибо. Держи за меня пальцы скрещенными, хорошо?

Она нажала «отбой» и как раз подъехала к парковке клуба.

- Привет, Чарли! – крикнул менеджер клуба со своего места, где он надзирал за парковщиками. – Как нога?

Она вышла из машины и помахала ему рукой.

- Лучше. Отец там?

- Да, сказал, что будет ждать тебя за твоим столиком.

Чарли похромала к ресторану. Метрдотель проводил ее в дальний правый угол зала, к лучшему столику, стоящему у окна с захватывающим видом на девятую лунку. Перед тем как Чарли перешла в профессионалы, ни она, ни ее отец никогда не садились за этот стол – отец даже редко ел в гостевом зале. Теперь с ними обращались как с особами королевской крови.

- Прости, я опоздала, – сказала она, осторожно опускаясь на стул. Таблетка еще не подействовала, и послеоперационная боль, усиленная мышечной болью от занятий, давала о себе знать.

Отец наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

- Ничего. Не так уж плохо посидеть здесь, глядя в окно, особенно в такой солнечный день. Как прошли занятия?

Мистер Сильвер сохранил густую шевелюру даже в шестьдесят один год. Волосы начинали седеть у висков, и он отпускал много каламбуров насчет «серебра», однако Чарли считала, что он по-прежнему красив. У него был густой загар, но каким-то образом ему удалось избежать того, чтобы кожа выглядела дубленой, что случалось со многими мужчинами, проводившими столько времени на солнце. Его глаза все еще были яркого зеленого или синего цвета, в зависимости от цвета рубашки. Правда, он прибавил несколько лишних фунтов – и начал носить эксцентричные наряды, типа шорт до колен с коричневыми кожаными ремнями, – однако подтянутая фигура и высокий рост компенсировали многое, и ни одну из его подруг, судя по всему, не отпугивал ни лишний вес, ни недостаток вкуса в одежде.

Чарли поправила пояс белых джинсов, которые за последние пару месяцев стали заметно туже.

– Рамона – зверь. Но она мне нравится.

– Она лучшая в своем деле, все так говорят. – Мистер Сильвер кашлянул. – Чарли, есть кое-что...

– Я говорила с Тоддом Фелтнером. Он хочет стать моим тренером! – выпалила она, не успев даже положить салфетку на колени. Чарли не собиралась рассказывать о своем разговоре с Тоддом, но домашняя обстановка клуба, где она практически выросла, в сочетании с теплым объятием и добрыми глазами отца, открыли шлюзы. Она пожалела об этом в ту же минуту, как сказала.

– Прости? – Он посмотрел на нее встревоженно. – Тодд Фелтнер, мужской тренер?

– Больше не мужской тренер. Он хочет тренировать меня, свою первую и единственную спортсменку-женщину. Он думает, что у меня есть все, что нужно для победы.

– Конечно, есть, и без придурков знаю! – Отец глубоко вздохнул и, казалось, сделал усилие, чтобы успокоиться. – Прости, я просто удивился.

Чарли потянулась через стол и коснулась его руки.

- Да, Тодд имеет не лучшую репутацию, но как тренер... он лучший.

Мистер Сильвер сделал глоток воды.

- Тебе известно, сколько штрафов он выплатил американской теннисной ассоциации за несдержанное поведение? Ты помнишь, что он сделал с Эверсолом? Есть видео, если тебе нужно освежить память. Он оскорбляет своих игроков. Неужели ты хочешь работать с таким человеком?

- Я ищу не друга, - сдержанно ответила Чарли.

- Насколько я помню, у тебя есть тренер.

- Есть, и ты знаешь, как я люблю Марси.

Отец отнял руку, мягко, но демонстративно.

- С ней ты перешла из юниоров в профи. Она знающий тренер. Она вежлива. И она не ведет себя, как урод. Теннисный мир полон грязи, а Марси одна из самых искренних и честных людей, которых я когда-либо встречал. Лично для меня это много значит.

Чарли начинала злиться.

- Для меня это тоже много значит, папа. Разумеется.

Они оба улыбнулись юному официанту, который принес им одинаковые салаты с курицей-гриль, без помидоров и с заправкой в отдельной плошке. Чарли знала, что если бы отец обедал с кем-то другим, он заказал бы сэндвич со стейком и картошку фри, и оценила его поддержку.

- Понимает ли он твою игру? Твои сильные и слабые стороны, твой характер? Есть ли у него налаженные отношения с организаторами турниров, администрацией теннисных турне? Разве это он долгие годы помогал тебе оттачивать технику? Учил стратегии на корте? Защищал тебя от прессы, с которой лучше работать другим? Может Тодд Фелтнер спланировать оптимально поездку и тренировочный график так, чтобы это не повлияло на

твою результативность?

Чарли заставила себя сделать глубокий вдох. Отец играл профессионально менее трех лет почти сорок лет назад. Почему он так жестко с ней говорит?

- Мне удивительно слышать, что ты решила уволить Марси и нанять Фелтнера.

- Я хочу побеждать, - наконец сказала Чарли. - Нужно многое изменить. Мне было пятнадцать, когда ты пригласил ее работать со мной.

- Ты тогда выиграла «Оранж Боул». В пятнадцать лет!.. Ты далеко превзошла мои тренерские способности.

- Разумеется, на тот момент она была отличным выбором. Но давай по-честному: ты нанял ее не потому, что она считалась лучшей из всех доступных тренеров. А потому что знал, что она не станет за твоей спиной оказывать на меня давление, чтобы я перешла в профессионалы.

- Чарли, это все дела давние. Марси идеально подходила для тебя в самом уязвимом возрасте...

- Я согласна, папа, она замечательная. Ей было всего двадцать восемь лет, и она только что ушла из большого спорта из-за травмы плеча. Скорее, старшая сестра, чем какой-то пугающий сорокалетний громила, который заставил бы меня возненавидеть игру. Я ценю это, клянусь. Я думаю, она была отличным выбором.

- Но?..

- Я играла все турниры, путешествовала по разным местам. Моя игра постоянно улучшалась под руководством Марси, но я начинаю думать, что это происходило недостаточно быстро. Мне почти двадцать пять! Знаешь, как много теннисисток выиграли свои первые главные титулы в двадцать пять или позже? Десять. Десять! И это еще не принимая во внимание тот факт, что я восстанавливаюсь после серьезной травмы, и в прессе говорят, что мне никогда больше не выиграть престижного турнира. Даже Марси так считает.

- Ты добралась до четвертьфиналов Австралии и Франции. Дважды. Ты дошла до полуфинала в Индиан-Уэллсе и Сингапуре. Думаю, тебе есть чем гордиться.

- Я не о гордости говорю, ты ведь понимаешь. Я хочу выиграть Шлем. Я тренировалась всю свою жизнь, и теперь, кажется, у меня есть возможность работать с человеком, который сумеет привести меня к цели.

- Я просто не знаю, что...

- При прочих равных, если твоя цель - выиграть Открытый чемпионат США в течение следующих двух лет, кого бы ты нанял? Марси Беренсон или Тодда Фелтнера? Не принимая во внимание их стиль тренерства, насколько они приятные люди и все остальное.

Он молчал.

- Вот, - тихо произнесла Чарли.

- Вовсе не обязательно, что он правильный выбор для тебя, - сказал мистер Сильвер, делая глоток пива.

Чарли подняла на него взгляд.

- Похоже, Тодд - неправильный выбор для тебя.

Он посмотрел ей в глаза. Они помолчали.

- Папа, дело не только в победе, я понимаю. С каждым годом в женском теннисе все большее значение имеет атлетизм. Пятнадцать лет назад, если ты занималась в тренажерном зале по часу в день, можно было ожидать, что ты продержишься на корте дольше, чем большинство твоих соперниц. Сейчас все иначе. Женщины тренируются в зале столько же, сколько и на корте, а Марси не вполне за этим поспевает. Я уже говорила тебе: она отказывается работать в прежнем режиме.

- Она хочет ребенка, Чарли. Я уверен, ты это понимаешь.

– Конечно, я понимаю! Она все еще мне друг, папа. Я провела с ней вместе больше времени, чем с кем-либо другим. Я была одной из подружек невесты, когда она выходила за Уилла! Естественно, сейчас она не хочет так много разъезжать. Больше сорока недель в год, просто ад, а ведь они проходят процедуры ин-витро. Я понимаю, правда. И надеюсь, что ей удастся забеременеть. Но что потом? Думаешь, она станет летать каждые три дня то в Дубай, то в Шанхай, то в Мельбурн? А когда она по очень понятным причинам не захочет так много путешествовать... что делать мне?

Отец кивнул.

– Да, нанимая женщину-тренера, ты рискуешь. Но мне нравится думать, что мы не отступим от наших друзей, когда...

– Я не понимаю, почему ты так со мной, – прошептала Чарли.

– Мы просто беседуем, Чарли.

– Это не похоже на беседу, папа. Ты меня осуждаешь. Мы даже не обсудили то, что произошло на Уимблдоне. В конце концов, именно она была ответственна за обувь. Она стала менее внимательной в последнее время. И ты бы слышал наш утренний разговор о моем будущем.

Официант, местный ученик средней школы, которому, по словам отца, светила теннисная стипендия в школе Первого дивизиона, забрал тарелки и поставил перед ними маленькие чашки с ягодами.

– Похоже, ты уже приняла решение. Я с ним не согласен, но я поддержу тебя в любом случае, – произнес мистер Сильвер, подкладывая к ягодам взбитые сливки.

Поддержишь, пока я с тобой соглашаюсь, подумала она. И хотя Чарли сомневалась, что Тодд был правильным выбором, ей самой все стало гораздо яснее, когда она изложила отцу доводы, нравятся они ему или нет.

– Да. Я решила, – сказала Чарли.

– Хорошо. Мы друг друга поняли, и каждый остался при своем мнении.

Те же самые слова мистер Сильвер сказал более пяти лет назад, когда летом перед вторым годом в колледже Чарли решила перейти в профессионалы. Чарли понимала, что не сможет одновременно учиться в колледже и соревноваться на высших уровнях женского тенниса. Хотя это, конечно, понимал и мистер Сильвер, его неодобрение граничило с возмущением.

Чарли хотела напомнить, что у них уже был похожий разговор, но ее спас Говард Пинтер, владелец клуба. Толстый и лысый Говард шепелявил и всегда носил подтяжки, до предела натянутые на огромном животе. Он любил и отца, и дочь и не упускал случая с ними поболтать – особенно теперь, когда Чарли стала знаменитостью.

– Питер! Чарли! Почему я не в курсе, что вы сегодня здесь обедаете?

– Привет, Говард. – Отец поднялся. – Рад тебя видеть.

Они пожали друг другу руки.

Чарли тоже хотела встать, но Говард мягко удержал ее за плечо.

– Сиди, пожалуйста, дорогая. Как вам обед? Твой друг присоединится к вам позже?

Сначала Чарли подумала, что Говард спрашивает ее, потом заметила, с каким выражением посмотрел на него отец. Оно говорило: «Заткнись». Никогда в жизни она не видела, чтобы отец так смотрел на кого-то... Что это в его глазах? Паника?

Так или иначе, Говард его понял.

– Прости, я все путаю. С возрастом становлюсь ужасно рассеянным, хорошо еще, одеваться не забываю... Было время, когда я помнил имя каждого сотрудника, а теперь радуюсь, если собственных детей узнаю. – Он фальшиво рассмеялся.

Гнев на лице отца промелькнул и исчез.

– Вот, посвящаю Чарли в сплетни нашего клуба, – сказал он с улыбкой.

Говард с удивительной живостью сел рядом.

– О! И мне расскажи, и мне! Никто не рассказывает мне ничего занимательного. Думаешь, интересно слушать споры из-за графика посещения корта или об уходе за гольф-полем? Конечно, нет! Я хочу знать, кто с кем обнимается в раздевалке!

Все рассмеялись, и Чарли с облегчением заметила, что отец, похоже, расслабился. Они втроем несколько минут поболтали, и Чарли посвятила Говарда в пикантные, но совершенно безобидные теннисные сплетни: Наталья встречается со знаменитым квотербеком, миллиардер из Саудовской Аравии предложил семизначный гонорар каждому из тройки лучших теннисистов за один матч с ним в его поместье в Джидде, теннисистка, занимающая пятую строчку рейтинга, недавно пропустила тест на допинг... Говард хлопал в ладоши и радостно смеялся. Это даже не особо интересные сплетни, думала Чарли. Любопытно, как бы он отреагировал на новости о Тодде Фелтнере. Или на известие о том, что она спит с самым красивым теннисистом в турне.

– Извините, вынужден вас оставить, – произнес Говард, глядя на мистера Сильвера. Повисла неловкая секунда молчания. Говард кашлянул и отодвинул свой стул. – Долг зовет. Пока я тут сижу, какая-нибудь скучающая домохозяйка наверняка ругает одного из моих сотрудников. Чарли, рад был тебя видеть. Приходи к нам почаще! – Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Чарли заставила себя не вытирать мокрую щеку.

– Спасибо, что подошли к нам, мистер Пинтер, – улыбнулась она. – И не проболтайте о секретах турне, хорошо?

Он засмеялся, трясая животом, как Санта-Клаус, и засеменил к двери. Чарли повернулась к отцу:

– О чем он говорил? У тебя новости? Кто этот твой «новый друг»?

– Ерунда. Говард организовал для меня переезд в один из гостевых коттеджей в дальнем конце участка, возле бассейна.

– Ты про коттеджи, построенные в начале прошлого века? Там хотя бы есть отопление? С какой стати тебе туда переезжать? В них, наверное, последние десять лет никто и не жил!

– Я сэкономлю массу времени. Не придется ездить туда и обратно из Топанги каждый день. Пробки...

– А как же наш дом? Мама так его любила! – Чарли не хотела поднимать тему матери, но она никогда и подумать не могла, что отец однажды продаст дом ее детства.

– Я знаю, что она его любила, дорогая. Но пойми, все меняется. У меня не хватает времени и сил заботиться о таком громадном...

– То есть ты лучше будешь жить здесь? Ты и так проводишь здесь слишком много времени! – Она чувствовала нарастающую панику. – Дело в деньгах, правда?

Отец встретил ее взгляд.

– Дело не в деньгах. И это совершенно не твоя проблема, ясно?

– А в чем тогда дело? Я не понимаю, почему ты не позволяешь мне помочь!

– Я все еще твой отец, – сказал он резко. Затем добавил мягче: – Я отлично представляю, сколько денег тебе нужно инвестировать в свою карьеру. Немалая зарплата тренера, поездки для вас обоих и Джейка, а уж насколько больше, чем Марси, запросит Тодд Фелтнер...

– Я просто не понимаю, зачем тебе переезжать.

Он поднял руку.

– Достаточно. Так будет лучше для меня – сэкономлю деньги на содержание дома и время на проезд.

Чарли заставила себя улыбнуться, несмотря на неприятный холодок в животе.

– Ладно. Каждый остался при своем мнении.

Глава 4

Двадцать третья лучшая девчонка

Лос-Анджелес.

Август 2015 года

Щит с надписью «Продается собственником» торчал прямо под окном Чарли. С тех пор, как отец объявил о своем намерении переехать в Бирчвуд, прошло две недели, а она до сих пор не могла с этим смириться. Их коттедж с тремя спальнями стоял в стороне от бульвара Топанга-Каньон и давно нуждался в покраске (не говоря уже о новых дверях и окнах). Но хотя дому ее детства не хватало внешнего лоска, это с лихвой восполняли памятные события: воскресные барбекю на лесистом заднем дворе, поездки на велосипеде с Джейком в парк Топанга и остановки по пути, чтобы выпить кока-колы в магазинчике у заправки, где теперь торговали органическими продуктами, помощь матери с горшками бальзамина...

Ее семья была не из тех, кто часто устраивает вечеринки и приглашает толпы гостей, но Чарли провела здесь счастливое детство. Она почти ничего не изменила в своей комнате – вплоть до постеров с Джастином Тимберлейком – и до сих пор считала это место своим домом. Зачем платить арендную плату где-то еще, если одиннадцать из двенадцати месяцев она проводит в поездках? Ее огорчала затея отца продать часть их общей истории и поселиться в гостевом домике. В собственности Бирчвуда.

Чарли смотрела на айпаде документальный фильм о сложном жизненном пути Тодда Фелтнера. Рос он на Лонг-Айленде и играл первые одиночные матчи за школу «Грейт-Нек-Норт», а потом за университет штата Мичиган. Работая в

программе подготовки «Морган Стэнли», во время отпуска во Флориде Тодд открыл тринадцатилетнего теннисного вундеркинда, который подрабатывал, подавая клюшки на поле для гольфа. Что-то в этом мальчике, Адриане Эверсоле, так вдохновило Тодда, что он бросил офисную работу, переехал в Тампу и приступил к изучению всего, что нужно, чтобы тренировать талантливого парня и сделать его номером один всего через восемь лет. В фильме было множество сцен, где Тодд кричал, нещадно ругая Адриана – а позже и других игроков, которых привел к вершине. Во время одного особенно пугающего полуфинала чемпионата США служба безопасности силой удалила Тодда с трибун после того, как он обругал Адриана так громко и грязно, что телевизионные камеры не смогли даже показать это в прямом эфире. Пару минут спустя – другая сцена: Адриан поднимает чемпионский кубок высоко над головой, потом целует его под ликование болельщиков. Чарли смотрела едва дыша, ощущая вес этого кубка, слыша восторженный рев толпы, чувствуя запах пота и песчаный аромат воздуха Квинса в тот момент, как ее объявляют победительницей. Несмотря на пугающие выходки Тодда, она знала: он тот, кто ей нужен.

Тут же зазвонил телефон, и молодой женский голос произнес:

– Шарлотта Сильвер? С вами хочет поговорить Тодд Фелтнер.

Чарли почувствовала, что ее пульс участился, и поставила айпад на паузу.

– Шарлотта? Это Тодд Фелтнер. Заколебался писать сообщения, поэтому звоню. Я прилетаю в Лонг-Бич в пятницу днем. В восемь мой рейс на Гавайи, и далеко ехать не хочется. Может, встретимся в центре, в фойе отеля «Стандарт»? Я продемонстрирую тебе свои достоинства, ты огласишь список вопросов, и мы все решим. В два часа?

Чарли сделала глубокий вдох, вспомнила пиетет Джейка и собственный восторг, когда Тодд ей впервые позвонил, и ответила:

– Договорились. В два часа, мистер Фелтнер.

– Вот и отлично! – сказал он, каким-то образом сумев произнести это саркастично. – Зови меня Тодд. «Мистер Фелтнер» напоминает мне об отце, и твое счастье, что ты не имела удовольствия с ним встречаться.

– Хорошо, Тодд.

Прежде чем Чарли успела ощутить неловкость, Фелтнер объявил, что его помощница подтвердит информацию по электронной почте, и повесил трубку.

Она написала Джейку: «Все на мази», указала время и место и выключила телефон.

Когда Чарли, одетая в джинсовый костюм, вошла в фойе отеля «Стандарт», до встречи оставалось пятнадцать минут. Есть время, чтобы заказать стакан газированной воды и просмотреть свои записи. Чарли аккуратно напечатала девятнадцать вопросов – некоторые рабочие моменты, о которых она хотела узнать его мнение – на листе светло-голубой бумаги. Но когда она подошла к администратору ресторана, Тодд окликнул ее из-за столика возле конца барной стойки:

– Сильвер! Я тут. – Он не встал, когда она подошла. – Садись. Ничего, если я буду звать тебя Сильвер?

– Вообще-то, я предпочитаю, чтобы меня звали Чарли... Ты рано.

– Тодд Фелтнер, правило номер один: если не придешь рано, то опоздаешь. – И он загоготал.

Чарли не могла решить, что ей не понравилось больше: дурацкое правило или то, что он говорит о себе в третьем лице.

При росте в метр шестьдесят его сила в бытность теннисистом шла исключительно от мускулистых плеч и широких мощных бедер. Теперь, когда он был уже не молод, мощная мускулистая фигура превратилась в грушу: плечи сдулись, выросли огромный живот и зад.

– Что будешь? – спросил Тодд, подталкивая к ней меню.

Возле столика возникла девушка в кожаных брюках и коротких сапожках на шпильке. Чарли взглянула на телефон и увидела, что Джейка не будет еще

тринадцать минут, а может, и больше.

- Э-э... пока просто чашку кофе, пожалуйста. - Она собиралась здесь пообедать, но хотела дождаться Джейка.

- Без кофеина, - рявкнул Тодд.

И официантка, и Чарли повернулись к нему с удивлением: он сам хочет кофе без кофеина или требует такой для Чарли?

- Для нее, - пояснил он.

Чарли заставила себя улыбнуться.

- Спасибо, я предпочитаю обычный. - Она повернулась к официантке: - С обычным содержанием кофеина, пожалуйста.

Тодд захохотал.

- Ладно, пока наслаждайся. Будешь работать со мной - распрощаешься с кофеином, как и со всем остальным, что хоть немного приятно. Но к этому мы еще вернемся.

Если бы вместо Тодда здесь была Марси, они бы уже ели картошку фри и хихикали над последними сплетнями о знаменитостях. Чарли лихорадочно подыскивала тему для легкой болтовни, чтобы заполнить время, когда перед ними вдруг возник Джейк.

- Надеюсь, я ничего не пропустил? - сказал он, наклоняясь и целуя Чарли в щеку. Тодд не встал, но Джейк обошел вокруг стола и хлопнул его по спине. - Рад тебя видеть. Спасибо, что нашел время.

Чарли всегда немного удивляло то, как профессионально держится ее старший брат. Белоснежная рубашка подчеркивала красивый загар, и весь его облик - модный темно-синий костюм, рубашка без галстука, дорогие часы и туфли - ясно диктовал: успешный голливудский агент. Никто никогда не догадался бы, что он живет в доме без лифта, в однокомнатной квартире в Гарлеме, и что

единственным клиентом в спортивном агентстве, в котором он работал, была его собственная сестра.

Они еще даже не заказали еду, когда Тодд ударил кулаком по столу.

– Мы все – занятые люди, так что давайте сразу к делу. Сильвер... э-э... Шарлотта – ты чертовски хороший игрок с большим потенциалом. И пока – все. В турне ты уже почти пять лет, а Шлема у тебя нет, и в рейтинговой таблице ты никогда не поднималась выше двадцать третьего места. Плюс недавняя операция. Наверняка многие советуют тебе бросить спорт.

– При всем уважении, мистер Фелтнер, быть двадцать третьей лучшей теннисисткой в мире не так уж и плохо, – встрял Джейк.

Чарли ответила ему благодарной улыбкой, но очередной звук удара кулаком по столу так ее испугал, что она чуть не вылила на себя кофе.

– Неправильный ответ! – гаркнул Тодд. – Об этом ли ты мечтала, когда тебе было тринадцать, когда ты выигрывала все турниры, в которых участвовала, выказывая невероятное упорство и решимость и пробивая себе путь сквозь соперниц, как хренова газонокосилка? Стать двадцать третьей лучшей? Не думаю. И надеюсь, что нет, потому что это не чемпионский настрой. Думаешь, Штеффи Граф молилась попасть в двадцатку? Или Эверт, Навратилова, Шарапова или одна из сестер Уильямс когда-нибудь говорили своим тренерам, или папам, или своему отражению в зеркале: «Ох, надеюсь, я смогу когда-нибудь стать двадцать третьей лучшей среди девчонок?» – Последнюю фразу он произнес с насмешкой, имитируя пронзительный женский голос.

У Чарли вспыхнули щеки. Тодд Фелтнер прав. Она всегда мечтала о большем. Она не хотела после долгой напряженной работы остаться в истории тенниса всего лишь сноской внизу страницы.

– Да, я поняла, – тихо сказала Чарли.

– Если я вернусь в дело и стану тренировать женщину, я сделаю это только для той, кто обладает бешеной волей к победе. Ты такая, Шарлотта Сильвер? Ты готова сражаться до крови? Или тебе достаточно прыгать по корту в маленькой белой юбочке, с жеманными косичками, и улыбаться широко и ослепительно,

чтобы все тебя обожали?

Тодд откинул магнитную крышку своего айпада, развернул его экраном к Чарли и начал перелистывать ее фотографии за много лет. Везде с косичкой. Везде с улыбкой. Всегда на втором месте.

– Сейчас мы сидим здесь лишь по одной причине: я думаю, что под образом милой девочки скрывается теннисистка, которая очень, очень хочет попасть в Высшую лигу. В первую десятку. А лично я здесь сижу потому, что у тебя лучший гребаный удар слева одной рукой, какой я когда-либо видел у бабы... э-э... женщины. У тебя есть инстинктивное понимание своего места на корте – поверь мне, этому нельзя научить, – и, по крайней мере, из того, что я могу видеть на записях, в тебе есть психологическая стойкость, чтобы подняться, когда ты в самом низу. Вот, Шарлотта Сильвер, почему мы здесь.

Чарли теперь боялась случайно улыбнуться. Тодд Фелтнер точно перечислил ее сильные стороны. Он провел отличную подготовительную работу. Впечатление от фотографий, на которых она выглядела дружелюбной веселой дилетанткой, было убийственным.

– Если мы работаем вместе, в первую очередь ты должна забыть все девичьи сантименты. Вот прямо сейчас я вижу, что у тебя глаза на мокром месте. Если мы каждую секунду будем беспокоиться о твоих чувствах, то мы никуда не доберемся. Во-первых, я высказываю тебе все напрямик, и ты высказываешься напрямик. Без всяких вокруг да около, договорились? Во-вторых, нам нужна капитальная смена имиджа. Мы примем меры, чтобы все забыли о девчужке с косичками; заменим ее свирепой, безжалостной соперницей, которую другие игроки будут бояться и уважать. Мы найдем консультанта по имиджу, и пусть он выберет специалистов по связям с общественностью, парикмахеров и советников по социальным сетям, которые всему тебя научат. Я буду отвечать за твой график тренировок и поездок и гарантирую тебе, что ничего из этой ерунды не помешает самому важному, а именно, игре. Имидж – не последнее дело, но, в конечном счете, если ты не побеждаешь, никого не волнует твой внешний вид.

Чарли кивнула. Да, он груб, но говорит правильные вещи.

– Сразу же найдем на полный день спарринг-партнера.

Чарли открыла рот, чтобы возразить, однако Тодд остановил ее, подняв руку.

– Знаю, ты хочешь сказать, что он не нужен и вполне достаточно тренироваться с другими девочками для разминки и практики. И сразу отвечу, что ты ошибаешься. Страшно ошибаешься. И не надо мне «я всего лишь номер двадцать три и не заслуживаю личного спарринг-партнера». Я много раз видел, как взлетают результаты теннисистов, когда у них есть достойный партнер для ежедневных тренировок. Это не обсуждается.

– Хорошо. – Чарли часто думала об этом, но не могла решиться на такие траты. Она не побеждала в достаточном количестве соревнований, чтобы нанять спарринг-партнера на полный рабочий день, да еще оплачивать его поездки с ней по всему миру.

– Я не буду против услуг физиотерапевтов и тренеров, которых предоставляют турне, если увижу, что твоя физическая форма улучшается и ты придерживаешься разработанных ими программ. Кроме того, диетолог. Не навсегда, только пока ты не сбросишь пять килограммов с нижней части тела и не нарастишь мышцы плеч. Не стану врать: удовольствие не из дешевых. Однако если ты будешь выигрывать чаще и если мы все будем делать свою работу правильно, денежные расходы окупятся. Поняла меня?

Чарли изо всех сил старалась не акцентировать внимание на его замечании о пяти килограммах. Он прав, конечно; просто неприятно такое услышать.

– Твой брат будет курировать деловую сторону, подыщет в дополнение к «Найк» хороший спонсорский контракт, условия которого мы будем обсуждать, когда ты ворвешься в первую десятку. А оттуда? Давай просто скажем: путь выложен золотом.

Тодд скрестил руки на груди и самодовольно улыбнулся. Джейк, сидя рядом с ним, кивал. За все годы, что Марси была ее тренером, у них никогда не случалось подобного разговора. Они работали исключительно над техникой: совершенствовали резаные удары, удары с лета, работали над крученой подачей, отрабатывали подход к мячу. Вне корта они с Марси обычно смеялись в столовой для теннисистов, читали в самолетах журналы или смотрели телевизор в гостиничном номере.

Марси никогда даже не упоминала об имидже, за исключением разговоров о важности спортивного поведения. Чарли сама следила за своим питанием, которое включало в себя много свежих фруктов и овощей и, особенно перед матчами, – много белка и сложных углеводов. Марси регулярно советовалась с тренерами турнира, чтобы спланировать хорошие тренировки, однако не стояла над Чарли с блокнотом и секундомером, контролируя выполнение каждого пункта. В первую очередь они были тренер и ученик, но они были также и подруги, наперсницы друг для друга, а иногда, когда Чарли уставала от поездки или была слишком подавлена одиночеством, – как мать и дочь.

– Ты прав, я не мечтала быть двадцать третьей. И ты верно проанализировал мои сильные стороны на корте. Я хочу победить, мистер Фелтнер. Тодд. Я хочу вернуться, став сильнее и лучше, чем прежде. Ты правда думаешь, что сможешь привести меня к победе?

Тодд посмотрел ей в глаза.

– Я вернул на корт Надаля после жуткой травмы колена. Я привел Адриана Эверсола к победе в четырех турнирах Шлема. Я вывел Джилберто на первое место в рейтинге, а он до встречи со мной был размазней. Я умею делать победителей. – Тодд посмотрел на часы. – Черт, мне пора бежать. Значит, обдумай все и дай знать до конца недели. Вместе мы сможем вершить великие дела, Сильвер... Ха-ха, шутка! Чарли.

Джейк рассмеялся. Чарли заставила себя улыбнуться.

– И вот еще что. Я стану с тобой работать, только если ты будешь свободна от других обязательств. Даже не звони мне, пока не порвешь все связи со своей дамой-тренером. Ясно?

Тодд открыл бумажник, но Джейк замахал рукой.

– Прошу тебя, позволь оплатить. Большое спасибо, что нашел время с нами встретиться. Мы все обсудим и позвоним.

Тодд помахал им обоим на прощание, то ли не заметив, то ли проигнорировав руку Джейка, протянутую к нему через стол.

– В тебе, малышка, есть то, что нужно для победы, и я знаю, как заставить тебя раскрыть потенциал. Считай, я теперь в твоём углу. Ну, счастливо.

– Потрясающе! – выдохнул Джейк, глядя вслед Тодду с восхищением, как будто их стол только что покинул Майкл Джексон.

– Я не успела задать ему свои вопросы, – пробормотала Чарли.

– Думаю, он в основном на все ответил, разве нет? Должен сказать, разница между Тоддом Фелтнером и Марси Беренсон огромная. Они словно из разных вселенных.

Чарли не могла с ним не согласиться.

– Я хочу с ним работать, – сказала она. – Да, как человек он мне неприятен, но мне нравится его план, его пыл и настрой. Кроме того, я полностью осознаю, что это одна из тех ситуаций, когда ты на развилке. Грех не воспользоваться шансом. Живые легенды не входят в твою жизнь каждый день.

Джейк поднял обе руки, показывая, что больше не спорит, и как раз в этот момент стильная официантка подала еду.

– У вас есть шампанское? – спросил Джейк.

Девушка посмотрела на него, как на чокнутого.

– Конечно.

Он, казалось, не заметил её тона.

– Отлично, мы возьмем два бокала. – Джейк посмотрел на сестру и ухмыльнулся. – Похоже, нам есть что отпраздновать.

Чарли только закончила накрывать на стол для двоих, когда услышала телефонный звонок. Звонил стационарный телефон.

- Привет, пап, - сказала она в древнюю трубку.

- Как ты догадалась, что это я?

- А кто еще будет сюда звонить? - ответила она и тут же спохватилась, что это прозвучало довольно бестактно. - Я имею в виду, что твои подружки, скорее всего, звонят тебе на мобильный.

- Шарлотта, извини, что не позвонил раньше... Я не приду сегодня домой к ужину.

Она подождала, но отец ничего не объяснил.

- Красотка?

- Кое-какие дела.

За уютным семейным ужином Чарли хотела спокойно поговорить о работе с Тоддом. Она собиралась нанять его независимо от того, согласен отец или нет, но было бы намного приятнее знать, что отец ее поддерживает.

- Я готовлю ужин...

- Спасибо, дорогая, поешь сама. Я приду очень поздно. Или завтра.

- Завтра? - удивилась Чарли.

Отец никогда, никогда не ходил на свидания, если она была дома, не говоря уже о том, чтобы заночевать в доме случайной женщины. Она сделала мысленную заметку: спросить Джейка, не появился ли у отца кто-то особенный.

- Мне надо бежать, - сказал он. - Люблю тебя. - И повесил трубку.

Чарли извлекла из холодильника замороженный чесночный хлеб и стала читать на пакете инструкцию по разморозке. Когда она ставила батон в удивительно навороченную мини-печь на отцовской кухне, зазвонил мобильник.

Это была Марси. Придя домой после встречи с Тоддом, Чарли написала Марси письмо, спрашивая, когда к ней можно приехать. Марси жила в Сент-Питерсберге, штат Флорида; Чарли не была в ее доме целую вечность. Офисы теннисной ассоциации WTA находились там же, и Чарли планировала заодно и их оповестить о смене тренера. Разговор с Марси будет тяжелым, но не по телефону же его вести.

Чарли заставила себя взять трубку.

- Привет, Марси! - весело сказала она. Они с Марси общались ежедневно, но чаще всего - сообщениями или по электронной почте.

- Привет, Чарли. Как ты?

- М-м... неплохо. Рамона, как всегда, сегодня была само очарование. Надо признать, она знает, что делает. Мое запястье разработалось, и нога с каждым днем становится все лучше. Боли больше нет, теперь просто надо наращивать силы.

Марси навещала ее за время реабилитации дважды - поскольку у нее шли процедуры ЭКО, а играть Чарли пока не могла, не было нужды мотаться туда-сюда чаще.

- Рада слышать.

- Да, она замечательная.

Неловкая пауза.

- Чарли, я надеюсь, ты не против, если я выскажусь прямо. Мы знаем друг друга достаточно давно и можем быть честными, не так ли?

- Конечно, - с трудом выдавила она.

- Зачем ты едешь ко мне в Сент-Питерсберг на этой неделе?

Голос Марси был спокойным, в нем звучал обычный интерес, но Чарли показалось, что она слышит нотку подозрительности.

– Я чувствую себя лучше и не прочь немного развеяться. Я хотела увидеть тебя и Уилла, забежать в офис WTA и, возможно, выбить...

– Ты сказала, что будешь честной со мной.

Марси права, она заслуживала честности, но Чарли не хотелось сообщать такое по телефону.

– Чарли, полагаю, разговор для тебя трудный, и я не намерена его еще больше усложнять. А возможно, я ошибаюсь. Так что я задам тебе простой вопрос и буду очень признательна, если ты честно ответишь – да или нет.

– Хорошо...

– Ты хочешь приехать, чтобы меня уволить?

Молчание Чарли стало подтверждением.

– Так я и думала, – произнесла Марси.

Слово «уволить» прозвучало так резко, жестоко и безжалостно, что Чарли захотелось его оспорить, однако нельзя было отрицать, что суть оно выражало верно. По ее щекам потекли слезы.

– Прости меня, Марси. Я хотела поговорить лицом к лицу, – выдавила она, ненавидя себя за то, что не сумела сделать все правильно.

– Я знаю, Чарли. И ценю это. Но мы с тобой никогда раньше не придерживались строгих формальностей, поэтому и сейчас не стоит начинать. Незачем тащиться через всю страну, чтобы подтвердить мои подозрения.

– Ты подозревала? – Рыдания все же вырвались, и Чарли зажала рот ладонью.

- Да. Я знаю, ты не была довольна тем, что я не хотела так часто ездить, как в прошлом году. Ты прекрасно знаешь, мы с Уиллом пытаемся завести ребенка, и наверняка уже думаешь о том, как это на тебя повлияет.

- Нет, Марси, дело не...

- Не надо извиняться. Речь идет о твоей карьере, и я прекрасно понимаю твое беспокойство. По-моему, в том, что произошло на Уимблдоне, ты винишь меня. Мы обе знаем, что это было случайностью, но я действительно сыграла определенную роль в том фиаско.

- Марси, пожалуйста, послушай...

Ее тренер продолжала спокойно и четко:

- Мне только хотелось бы, чтобы мы говорили о таких вещах более откровенно. Сперва объяснить, а потом уже искать в другом месте... - Секундное молчание. - Мой свекор сейчас в Лос-Анджелесе по делам. Большой теннисный фанат, он видел тебя с Тоддом в ресторане «Стандарта». Нетрудно догадаться, зачем вы встречались.

Чарли будто ударили.

- Прости, Марс. Просто все так совпало. Я возвращаюсь...

- У него плохая репутация.

- Знаю. Я его еще не наняла - хотела сначала поговорить с тобой.

- Да, ты планировала приехать сюда и все такое. Я... я надеюсь, ты понимаешь, на что подписываешься.

Чарли не находила слов.

- Послушай, в первую очередь мы друзья. Для меня было честью и тренировать тебя, и быть твоей подругой.

– Марси... – Чарли не могла больше скрыть, что плачет.

– Ты достойна самого лучшего, Чарли. Ты всегда упорно трудилась. И хотя я хотела бы, чтобы все это закончилось по-другому, я буду болеть за тебя с трибун. Теперь, когда зажило ахиллово сухожилие, под руководством Тодда Фелтнера, можно представить, как далеко ты пойдешь...

Чарли не могла говорить.

– Пора бежать, – срывающимся голосом добавила Марси. – Мы не прощаемся. Нам еще много с чем надо разобраться в ближайшие недели. Свяжи меня с помощником Тодда, и я прослежу, чтобы передача дел прошла гладко. Кстати, помнишь мое жуткое шифоновое платье, которое ты одалживала для банкета? Не надейся присвоить себе эту мерзкую вещь.

Они обе рассмеялись, но радости в их голосах не было.

– Марси, прости. Мне нравилось работать с тобой. Я не планировала... я даже не думала, просто... Прости.

– Я знаю. Я тоже. Поговорим еще.

И Марси нажала отбой.

Несколько секунд Чарли смотрела на телефон. Она редко чувствовала себя одинокой. Было странно чувствовать, что из ее жизни, полной движения и перемен, исчезла одна из немногих констант. «Готова или нет, – подумала она в тот же момент, как до ее обоняния донесся запах горелого, и в кухне сработал датчик дыма, – вперед!»

Глава 5

Смежные комнаты

Мельбурн.

Январь 2016 года

Чарли разбудил вибрирующий мобильник, и она потянулась к нему из-под толстого пухового одеяла, под которым пряталась от кондиционера. Кто сказал, что только американцы любят врубить кондиционер на максимум? Австралийцы от них, похоже, не отстают.

- Алло? - Голос звучал хрипло, как будто она выкурила пачку сигарет.

- Шарлотта? Какого хрена ты еще спишь? - пробасил Тодд на всю комнату, потому что Чарли случайно включила громкую связь. - Уже семь, а я тут стою один на корте!

В его голосе звенела ярость, и еще не привыкшая Чарли каждый раз пугалась. Как будто она вечно делает что-то не то.

Она отодвинула телефон подальше, чтобы взглянуть на экран.

- Всего семь, Тодд. Наша тренировка - в восемь, - пробормотала она, уже опуская ноги на пол.

Чарли взглянула на правую ногу и выдохнула с облегчением: нога выглядела совершенно нормально. Конечно, она и должна выглядеть нормально - и ахиллово сухожилие, и запястье полностью зажили месяцы назад, но проверять их состояние стало привычкой.

- Вытаскивай зад из кровати! Ты смотрела записи, которые я оставил для тебя вчера вечером? Я заказал белковый омлет в твой номер, через десять минут принесут. А здесь ты должна быть через полчаса. Думаешь, Наталья валяется в постели и смотрит телик? Игроки первой десятки не валяют дурака. И помни: если не придешь рано, то опоздаешь.

Не дожидаясь ответа, Тодд бросил трубку.

Не придешь рано, опоздаешь. Чарли прикусила губу. С другой стороны кровати что-то зашуршало. Чарли вспомнила про Марко, только когда он заговорил:

- Ты сказала ему, что не ленишься, а просто утомилась от секса?

- Нет, этого я ему не сказала, - ответила она, шлепнув его по груди.

- Всегда надо говорить правду, - назидательно произнес Марко и приподнялся, опираясь на локти. - Что ты меня так разглядываешь? Думаешь... как вы там говорите... «красив, как Адонис»? Да, у меня постоянно такая проблема с женщинами.

Чарли рассмеялась, хотя понимала, что Марко не шутит: он чертовски великолепен. Это знал он, это знала она, это знало все женское население планеты - по крайней мере, та его часть, которая последние пять лет следила за мужскими теннисными матчами и видела, как Марко меняет футболки между сетями. Десять секунд полуобнаженной натуры принесли Марко Вальехо звание Самого Сексуального Мужчины по версии журнала «Пипл». Его совершенное тело красовалось на рекламных щитах по всему миру; он демонстрировал нижнее белье, кроссовки, часы и одеколон и регулярно появлялся на красных дорожках с актрисами, певицами и моделями. Последние три года его рейтинг не опускался ниже четвертой строчки. После недавней победы в чемпионате США - в легких трех сетах в финале - он стал фаворитом на победу в Австралии. Он заработал миллионы призовых, получал десятки миллионов по спонсорским контрактам и владел домами и квартирами в разных городах по всему миру. Все единодушно признавали Марко Вальехо одним из величайших игроков Открытой эры. И сейчас он лежал в постели Чарли.

В дверь постучали. Чарли огляделась в поисках одежды или хотя бы халата, но в итоге выдернула простыню из-под одеяла и завернулась в нее.

- Прямо как в кино, - проворкотала она, открывая дверь.

Официант, парень лет девятнадцати, увидев Чарли, явно голую под простыней, покраснел от шеи до корней волос. Он бросил взгляд в сторону кровати, на смятые простыни и разбросанные подушки, но Марко был слишком опытным, чтобы попасться. Сотни ночей, проведенных в гостиничных номерах с разными женщинами, многому его научили, и теперь Чарли задавалась вопросом, как он

умудрился незаметно прошмыгнуть в ванную.

– Доброе утро, мисс Сильвер. Здесь для вас омлет из яичных белков с грибами, луком и шпинатом. Фрукты вместо картофеля. Большой американо без кофеина, с обезжиренным молоком. Холодная вода. Могу я еще что-нибудь для вас сделать?

– Без кофеина? – вздохнула Чарли, уже знакомая с антикофеиновым правилом Тодда.

– Так было написано в заказе. Желаете обычный? – спросил официант, глядя в сторону.

– Нет, нет, все в порядке, – сказала Чарли, хотя думала прямо противоположное.

Контракт с Тоддом был подписан в августе прошлого года. Пять месяцев реабилитации, тренировок и физподготовки сделали в точности то, что он обещал: Чарли чувствовала себя сильной, уверенной, готовой к Открытому чемпионату Австралии. Да, Марси не заставила бы ее отказаться от кофе. Марси не заставила бы ее сесть на диету. Однако требования Тодда принесли свои плоды: живот Чарли стал как никогда плоским, мышцы ног были в тонусе, и заметно повысилась выносливость.

Чарли подписала чек и, вручив все еще красному официанту чаевые, закрыла дверь.

– Берег чист. Можешь выходить! – крикнула она Марко.

Он вышел из ванной, приглаживая мокрые волнистые волосы. Из одежды – одно полотенце вокруг бедер.

– У меня тренировка на корте в восемь. А у тебя?

– То же самое, – ответила Чарли. – Извини, завтрак мне заказал Тодд, здесь для тебя ничего нет. Хочешь, я позвоню и попрошу принести овсяные хлопья?

– Нет, я через двадцать минут встречаюсь с тренером в столовой для теннисистов, поем там.

Марко ту же затянул полотенце вокруг талии. При росте в метр девяносто пять и девяносто килограммах чистой мышечной массы его гладкая оливковая кожа смотрелась божественно.

Чарли посмотрела на часы.

– Повезло, что в шесть утра не появился допинг-контроль. Однажды нас с тобой застукают...

На все триста шестьдесят пять дней в году, независимо от того, в какой точке мира она находилась и что там делала, Чарли должна была предоставить адрес, по которому ее можно найти в течение одного конкретного часа из двадцати четырех. Она могла выбрать любое время суток и как угодно часто менять указанный час, но тогда планирование дня становилось слишком запутанным, поэтому многие теннисисты указывали промежуток от шести до семи утра – достаточно рано, чтобы они наверняка были дома (или в гостинице), но не настолько рано, чтобы их будили среди ночи. Проверяющие приходили иногда часто – восемь или десять раз в год, – а иногда не показывались несколько лет подряд. Спортсмены не знали, когда их ждать.

– Если попадемся на сексе, а не на стероидах, то я не против. – Марко поцеловал ее в губы и схватил ключ от своего номера. – Пока, красавица. Хорошей игры.

– Тебе тоже, – сказала она, хотя обычно они не обсуждали свои матчи. – Удачи.

Он открыл дверь, соединяющую их комнаты.

– Очень удобно, – ухмыльнулся Марко. – Пожалуй, теперь всегда буду требовать смежный номер.

Он вышел и запер дверь с другой стороны.

Чарли опустила веки. Перед глазами мелькнула сцена из предыдущей ночи: половина девятого, она только что переделалась в ночную рубашку и заказала

мятный чай в номер. Она все еще пребывала в приподнятом настроении после победы в первом круге и праздничного ужина с отцом и Джейком – они прилетели в Мельбурн, чтобы посмотреть ее матч. Отбой был в десять, подъем – в семь, что оставляло ей девять часов на сон. Девять часов было идеально, восемь – приемлемо, семь создавало трудности, шесть, как она знала по опыту, грозило катастрофой. За долгие годы Чарли превратилась в машину для сна. С мятным чаем, аппаратом белого шума, маской для глаз и берушами она могла заснуть где угодно: в комнате отдыха для игроков, в самолете, в автомобиле, в гостиничном номере или на съемной квартире. Немного мелатонина при резкой смене часовых поясов – и все в порядке. На совершенствование сна ушли годы тонкой настройки организма, но это имело решающее значение для игры.

Только что началась серия «Скандала». Чарли залезла под одеяло с чашкой и журналом «Ю-эс уикли». Лучше смотреть, как Оливия с Фитцем целую неделю повторяют: «Я люблю тебя, но не могу быть с тобой», чем еще хоть одну минуту думать о теннисе. В ушах до сих пор звенели критические слова Тодда, сказанные после первого матча: «Кончай осторожничать! Ты большая девочка, тащи свой зад к сетке и бей по гребаному мячу! Пока не вложишь реальных усилий в отработку хорошей второй подачи, ничего не добьешься!» Но она заставляла себя сосредоточиться на экране – наряды Оливии, харизма Фитца, – а во время рекламы разглядывала в журнале фотографии последних приключений Анджелины и Брэда. И вдруг в соседней комнате включили музыку.

Чарли быстро набрала номер ресепшена.

– Алло? Добрый вечер. Я знаю, что еще нет девяти, но разве я не на этаже, где живут только спортсмены?

– Да, мисс Сильвер. Так и есть. – Мужчина на телефоне отвечал любезно, но он явно устал иметь дело с теннисистами.

– В соседнем номере, который ближе к лифту, включили музыку. Очень громко. Такие, знаете, тяжелые басы. Можете позвонить и попросить сделать потише? А еще лучше – выключить.

– Конечно, мисс Сильвер. Я напомню обитателю комнаты о правиле двадцатичасовой тишины на этаже теннисистов.

– Спасибо.

Чарли положила трубку и прислушалась. Стены были довольно тонкие, и она услышала, как звук приглушили всего на минуту, чтобы ответить на телефонный звонок, а уже через секунду включили даже громче, чем раньше. Да еще и Энрике Иглесиас!

Отбросив одеяло, Чарли вышла в коридор и решительно постучала в соседнюю дверь. Наверняка там окажется какой-нибудь подросток, который прошел в турнир по вайлдкарте[1 - Приглашение на матч, выданное организаторами турнира теннисисту, не прошедшему общую квалификацию. – Здесь и далее примеч. пер.] и понятия не имеет о заведенных порядках. Она уже открыла рот для грозного монолога, когда дверь распахнулась. Перед ней стоял Марко.

– Шарлотта Сильвер! – пропел он со своим жутко сексуальным акцентом. – Смотрите, кто пришел в гости!

На нем не было ничего, кроме трусов и кожаного браслета с металлической застежкой. Из комнаты доносился непонятный запах. Травка? Свечи? Благовония? Танцевальная музыка гремела в динамиках айпода на тумбочке. Великолепное тело Марко блестело от пота.

Она почувствовала, что краснеет.

– Марко? Привет. Прости, что... помешала. Я не знала, что это ты. То есть я не знала, что ты в этом номере, и я никогда, никогда не постучала бы, если бы знала, что ты...

Не каждый день врываешься в номер к человеку, с которым у тебя раньше был секс, в тот момент, когда он занимается сексом с кем-то другим. Каковы в подобном случае правила этикета? Вряд ли этикет диктовал, что она должна стоять тут как вкопанная и жаловаться на шум.

Марко запрокинул голову и рассмеялся. Чарли заметила, как напряглись мускулы его пресса.

– Чарли, Чарли... Заходи, – сказал он, кивая в сторону комнаты.

Секс втроем? Она старалась легко относиться к сексу с Марко (в голове всегда звучал голос Пайпер, ее лучшей подруги: «Будь проще! Живешь только раз. Двадцать первый век на дворе, никто не заморачивается!»), но секс втроем – это слишком.

– Извини, мне надо спать. Просто хотела попросить сделать музыку потише, но не беспокойся, у меня есть беруши.

Чарли повернулась к своей двери и сразу поняла две вещи: во-первых, она забыла взять ключ, во-вторых, на ней нет нижнего белья, а ночная рубашка едва прикрывает попу.

– Ну, теперь зайти придется, – с улыбкой сказал Марко. – Можешь позвонить на ресепшен от меня.

Оказалось, что Марко не прятал в своей комнате моделей, а лишь делал под музыку отжимания.

– Ну и потанцевал немного, признаю, – сказал он с самой обаятельной и хитрой улыбкой, какую Чарли когда-либо видела.

Пока ждали посыльного с ключом, Марко угостил ее водой из мини-бара и жестом предложил сесть на кровать, но она не могла этого сделать, не открыв его взору свою наготу. Поэтому оба стояли, болтая о расписании тренировок на корте и прочей ерунде. Когда раздался стук в дверь, Марко пожелал ей спокойной ночи, и она слегка обиделась, что он не попытался ее соблазнить. Ведь они неплохо провели время в Лондоне незадолго до Уимблдона, правда? Конечно, это было полгода назад, однако потом, пока она восстанавливалась после травмы, он регулярно писал ей сообщения. Наверное, нашел другую, подумала Чарли, изо всех сил пытаюсь убедить себя, что ей все равно. Она современная женщина и может спокойно провести с мужчиной ночь, не ставя свою самооценку в зависимость от того, перезвонит он потом или нет.

И все же, придя к себе, Чарли на всякий случай надела кружевные стринги и, в надежде, что Марко не заметит, привела себя в порядок: прополоскала рот мятной жидкостью, нанесла ароматизированный блеск для губ и душистый увлажняющий крем, слегка пригладила щеткой волосы и чуть-чуть прошлась по линии бикини с пинцетом – не так просто обеспечить безупречный уход этой

области, когда больше сорока пяти недель в году проводишь в дороге. Вернувшись под одеяло и сделав вид, что смотрит сериал, Чарли почувствовала себя жалкой и отвергнутой. Тут раздался стук в дверь, соединяющую их комнаты. Конечно, она открыла.

Хотя она не выспалась и знала, что в конечном итоге будет изнемогать от усталости, сейчас она чувствовала себя потрясающе.

Чарли быстро поела и выпила безвкусный кофе. С ресепшена сообщили, что прибыл автомобиль, который отвезет ее в Мельбурн-Парк. Она быстро натянула шорты из спандекса, спортивный бюстгальтер и футболку, сунула ноги в резиновые шлепанцы. Сумка, разумеется, была собрана с вечера, там находилось все, что понадобится в течение дня.

Чарли расположилась на заднем сиденье «Лексуса» и вытянула ноги. Да, секс был хорош. Ну ладно, великолепен. Секс с Марко всегда хорош, в том-то и беда. Они знали друг друга уже много лет, познакомились еще юниорами, когда обоим было по шестнадцать, но переспали впервые только в начале этого года, когда Чарли проиграла в одной восьмой финала Индиан-Уэллса, а Марко выбыл в полуфинале. Так совпало, что у обоих выдался свободный вечер, и они поселились, совершенно отдельно, в отеле «Паркер Меридиан» в Палм-Спрингс – чтобы немного отдохнуть до следующего турнира. Чарли читала журнал в спа-салоне, ожидая массажа, и услышала, как кто-то окликнул ее по имени. Неохотно, с раздражением, она подняла взгляд. Вот уж совсем ни к чему, чтобы ее узнал какой-нибудь теннисный фанат, желающий обсудить ее менее чем звездное выступление. Или, еще хуже, – кто-нибудь из знакомых, с которым придется вести беседу и расспрашивать о жизни, а потом, не дай бог, еще и обедать вместе, болтая о пустяках. Поэтому она потеряла дар речи, когда подняла голову и увидела в кресле у противоположной стены Марко Вальехо, одетого в халат, который был ему настолько мал, что едва сходились края.

– Привет, красавица, – сказал он с улыбкой, буквально растопившей ее сердце.

Чарли каким-то образом удалось остаться внешне невозмутимой. Да, они знакомы целую вечность, но никогда не общались один на один. И, уж конечно, не в полуголом виде.

– Привет, – произнесла она, молясь, чтобы голос не выдал ее смятения. – Ты на горячие камни или ароматерапию?

После массажа они отправились в ресторан. За ужином было много флирта и веселья, а затем, по предложению Марко, они взяли бутылку шампанского и перешли к пустынному открытому бассейну. Прошло три месяца, а может, и больше, с тех пор, как Чарли в последний раз выпила хотя бы бокал, но она не колебалась, когда Марко ей наливал. Затем второй и третий бокал – и не успела она опомниться, как они оказались обнаженными в глубокой части бассейна, висая у бортика и глядя в ночное небо. Она словно попала в чужое тело – беззаботная девушка из романа или кино, которая смеялась, подмигивала и уверенно поводила плечами. Голову кружило шампанское – она так редко его пила, – и свечение звезд, и ощущение свободы, и то, как обволакивала теплая вода, когда она ложилась на поверхность, и как ее соски твердели в холодном воздухе. Казалось, каждый нейрон работал в усиленном режиме.

Они плавали, пока оба не начали дрожать, после чего прыгнули в горячее джакузи, где допивали шампанское, передавая друг другу бутылку. Они не подумали заранее взять полотенца, поэтому, схватив одежду, нагишом бежали до бунгало Марко, хихикая, как подростки. Не то чтобы в подростковом возрасте кто-то из них имел возможность делать что-нибудь такое же безумное и беспечное. Чарли взяла себе халат из ванной. К тому времени, как она вернулась, Марко зажег две свечи у кровати и обернул вокруг бедер какой-то саронг. Он направил пульт дистанционного управления на газовый камин, и поддельные поленья охватил ревуший огонь.

– Так, что у нас тут есть? – сказал Марко, открывая мини-бар.

На свет явились две мини-бутылки «Абсолюта» и банка тоника.

– Ты серьезно? – наигранно удивилась Чарли. – Тоник? Ты знаешь, сколько в нем сахара?

Оба смеялись до тех пор, пока Марко не смешал коктейли.

Такое бездумное употребление алкоголя было немислимым: до этой ночи ни один из них не выпивал больше одной порции раз в несколько месяцев.

Марко сел на пол перед камином и жестом пригласил Чарли присоединиться.

– Жаль, это не медвежья шкура, – вздохнула Чарли, поглаживая ковровое покрытие.

Марко мягко, но уверенно толкнул ее, укладывая на спину, лег сверху и прижался грудью к ее груди.

– Забудь...

В двадцать четыре года у Чарли еще не было секса на одну ночь. На юниорских турнирах она целовалась с другими теннисистами, однако девственности лишилась только на первом курсе в Лос-Анджелесе, с Брайаном. С тех пор она ходила пару раз на свидания, но ничего серьезного не возникало, – возможно, потому, что она никогда не задерживалась в одном городе больше чем на несколько ночей. Или, по крайней мере, так она себе говорила. Если честно, Чарли удивлялась, почему мужчины, начав рьяно за ней ухаживать, сразу исчезали, получив реальное представление о негламурной стороне ее жизни. Или плотный график поездок служил лишь оправданием того, что за шесть лет у нее не было ни одного настоящего парня? Да и удастся ли вообще встретить когда-нибудь человека, которого будет интересовать она сама, а не то, как она выглядит без теннисной юбки и как она выступила на предыдущем турнире? А больше всего она хотела бы знать, возможно ли иметь нормальные отношения, пока теннис для нее стоит на первом месте.

Однако той ночью Чарли не думала ни о чем. Той ночью она была весела, свободна и занималась любовью с самым знаменитым теннисистом в мире. Или, по крайней мере, с самым красивым. Они катались по полу, обхватив друг друга руками, целуясь, смеясь и снова целуясь. Когда Марко жестом фокусника достал откуда-то презерватив и приподнял бровь, Чарли, не раздумывая, кивнула.

– Мисс Сильвер? – Голос водителя прервал ее сладкие грезы.

– М-м?

– Мы приехали. Вас устроит вход, ближайший к раздевалке?

– Да, отлично, спасибо.

Показав удостоверение на шнурке по крайней мере полдюжине охранников, Чарли попыталась сосредоточить внимание на предстоящей тренировке. Первый матч прошел легче, чем она ожидала, – легче, чем имела право ожидать, – но было бы глупо надеяться, что ей снова так повезет. В эти дни любая теннисистка способна выиграть у любой другой, даже та, у кого ниже рейтинг, или несеянная. А для Чарли турнирная сетка стала сложнее, когда после происшествия на Уимблдоне она резко опустилась в таблице. Травма выбила ее из всего летнего сезона на харде и осеннего сезона в Азии; отсюда и тридцать шестая позиция в таблице. Она так близко подошла к возможности оказаться в восьмерке сеянных на турнире Большого шлема, а потом бац! Все насмарку из-за дурацкой обуви.

– Простите, не могли бы вы поставить автограф на моей кепке?

Чарли подняла голову и увидела девочку лет двенадцати или тринадцати, стоящую у двери женской раздевалки. На груди у нее висело удостоверение на шнурке, где написано: «Гость спортсмена», и Чарли сразу поняла, что это дочь какого-нибудь тренера. Ни у кого из мужчин-теннисистов не могло быть ребенка такого возраста, а из теннисисток почти ни у кого не было детей. Девочка говорила с легким акцентом (Австралия? Южная Африка?) и выглядела взволнованной.

– Ты мне? – спросила Чарли и даже огляделась по сторонам. Дети иногда просили у нее автограф после матча, но это были, как правило, ярые фанаты тенниса, которые собирали подписи у всех игроков подряд, не важно, кто они и как сыграли.

– Вы ведь Шарлотта Сильвер?

Чарли кивнула.

– Мне очень нравится ваша косичка! – воскликнула девочка и тут же смутилась. – Я вас видела вчера по телевизору. Вы так зажигали!

По настоянию Тодда, Чарли согласилась выступить на MTV, чтобы «поднять свою популярность среди подростков». Стилист одел ее в кожаные брюки, шелковый

топ с глубоким вырезом и тысячедолларовые сандалии от «Валентино». Она танцевала, пела под фонограмму, смеялась вместе с юными ведущими и, да, могла признать без ложной скромности, «зажигала». Вечер получился приятный; а потом она с радостью переделалась в обычное теннисное платье и заплела волосы в косичку с розовой лентой.

– Вы здорово выступили. Вот. – Девочка вручила ей нестираемый маркер и светло-голубую кепку, на которой стразами было выложено: «Australian Open».

Чарли написала на боку кепки свое имя.

– Держи, дорогая.

Девочка просияла.

– Спасибо огромное! Мой папа тренирует Раджа Гупту, но он далеко не так крут, как вы.

Чарли рассмеялась.

– Ну что тут скажешь? Девушки вообще лучше. – Она подняла руку и подставила ладонь. – Дай пять.

Девочка хлопнула по ее ладони.

Когда она вышла из раздевалки, Тодд уже ждал.

– Веселишься? – неодобрительно спросил он, хватая сумку. Всякий раз, когда они шли куда-нибудь вместе, Тодд забирал ее сумку. Вряд ли из рыцарства, скорее из опасения, что Чарли что-нибудь потянет.

– Одна милая девочка узнала меня и попросила подписать кепку.

– Привыкай, – сказал Тодд, быстро шагая по коридору под стадионом, ведущему на тренировочный корт. – С новым имиджем ты скоро станешь Бейонсе женского тенниса.

Как будто в подтверждение этой декларации, несколько мальчиков-подростков, мимо которых они проходили, вдруг замолчали и уставились на Чарли.

– Видела? – Тодд не удержался от довольной ухмылки. – И все же... ты только поэтому светишься, как медный чайник?

Чарли ощутила укол тревоги. Неужели пронюхал про Марко? Но они никогда не флиртовали на людях. И не общались на вечеринках для теннисистов, только вежливо кивали друг другу в комнате отдыха или в столовой для игроков. Чарли рассказывала о нем лишь Пайпер, а та была далека от профессиональных теннисных кругов. Подруга благополучно обосновалась в сказочном бунгало возле пляжа Венис-Бич со своим бойфрендом-врачом, и ее фирма по дизайну интерьера начинала обретать популярность. Пайпер с восторгом выслушала все пикантные подробности, но точно не стала бы никому их передавать.

После той случайной ночи в Палм-Спрингс Чарли и Марко больше не устраивали подобных загулов. Оба вели себя осторожно и хранили свои редкие свидания в тайне: ни один из них не хотел привлекать внимания прессы или, того хуже, коллег-теннисистов. К тому же, их нельзя было назвать парой. Они встречались изредка, от случая к случаю.

Тодд придержал дверь, и Чарли прошла к местам возле кресла линейного судьи. Она скинула шлепанцы, натянула носки и начала методично зашнуровывать кроссовки.

– Какая еще может быть причина? – спросила она, стараясь говорить равнодушно.

– Ну, не знаю. Может быть, горячая встреча с известным испанцем?

От удивления Чарли забыла изображать равнодушие.

– Откуда ты знаешь?

– Ну и ну. Выходит, что-то все-таки случилось. Я надеялся...

Его самодовольная улыбка действовала ей на нервы.

– Надеялся? Что это значит?

Чарли хотелось отрезать: «Моя личная жизнь – не твоего ума дело», но она все еще не чувствовала себя с ним достаточно свободно, чтобы высказываться напрямик.

– Начинай растяжку, – велел Тодд, взглянув на часы. – Дэн придет через десять минут, я хочу, чтобы ты была готова.

Чарли прошла на корт и приступила к обычному комплексу упражнений на растяжку бедер, голеностопа и икроножных.

– И все же на что ты надеялся?

Он рассмеялся.

– Не могу представить себе лучшей пары, чем ты и Марко. Блестящие черные волосы, голубые глаза, длинные загорелые ноги... Он чертов король мужского тенниса, и ты можешь стать его королевой. Как Штеффи и Андре, только красивее. Теннисная королевская пара. Представь, как вы будете смотреться на журнальных обложках.

– Разве не ты запретил мне встречаться с мужчинами? Кто говорил, что если я хочу серьезно играть, я не должна заводить отношений?

Чарли едва не рассмеялась, когда Тодд упомянул об этом во время их переговоров: она была даже польщена, что он подумал о возможности каких-то отношений. Очевидно, он не понимал, каков был ее образ жизни последние пять лет.

Она села на пол и легла в «складку» – грудью на бедра. Тодд надавил ей на поясницу и прижал обе ее ладони к полу.

– Кто говорит об отношениях? Я говорю о том, чтобы встречаться. Или назови, как хочешь. Вместе посетить мероприятие, вместе пройтись по красной дорожке. Красочные статьи о том, как идеально вы друг другу подходите.

– Романтично, – сухо обронила Чарли, хотя описание даже фальшивых отношений звучало для нее довольно привлекательно.

– Вы оба слишком много разъезжаете, чтобы поддерживать что-нибудь реальное. Ты сама понимаешь. И я понимаю. И Марко наверняка понимает. Но вы можете улыбаться для камер, держась за руки, и демонстрировать спортивные фигуры, а что вы будете делать за закрытыми дверями – решайте сами. Лишь бы тренировки не страдали. И никакого секса в ночь перед матчем, ясно?

– Ты хочешь, чтобы я встречалась с Марко, потому что это хорошо для моего имиджа? – недоверчиво переспросила Чарли.

– Я хочу, чтобы ты встречалась с Марко, потому что это отлично для твоего имиджа, – поправил Тодд. – Где этот парень? Уже на две минуты опаздывает!

– Почему именно Марко? Он не единственный симпатичный теннисист из первой десятки.

Тодд жестом велел ей приступать к растяжке верхней части тела.

– Согласен. Зато, безусловно, один из самых известных. И, скажем так, у меня было предчувствие, что вы с ним... как бы выразиться... поладите.

– В каком смысле?

– В том самом. И я оказался прав. Всего-то и надо было попросить в гостинице смежные номера; вы двое, похоже, взяли на себя остальное. Конечно, это не мое дело, однако должен заметить, что сегодня утром ты прямо цветешь.

– Как ты посмел? – возмутилась Чарли.

– Вот так и посмел... Дэн, опаздываешь!

– Простите, – сказал Дэн, взглянув на часы. – Всего на минуту.

Тодд одарил его негодующим взглядом, но, к счастью, избавил от сентенций в духе «Не придешь рано – опоздаешь». Они заняли свои позиции: Дэн и Чарли на

противоположных задних линиях, Тодд на краю корта возле сетки.

– Поменяйтесь сторонами! – рявкнул Тодд, едва они начали отбивать мячи о корт.

Чарли вздохнула и перебежала на солнечную сторону. Тодд настаивал, чтобы она всегда тренировалась при худших условиях – солнце, ветер, резкие тени, ведь на матче у нее не будет возможности выбирать.

Чтобы ее разогреть, Дэн подал несколько легких ударов под правую и под левую руку, а уже через пять минут стал бить сильнее и быстрее. Ее всегда поражало, что парень, который на два сантиметра ниже, способен бить по мячу гораздо сильнее, чем она. Чарли до сих пор не привыкла к постоянным тренировкам с личным спарринг-партнером. Марси, как бывшая профессионалка, выступала на тренировке и в качестве тренера, и в качестве спарринг-партнера, и, хотя ей было около сорока, она еще могла заставить Чарли побегать.

Двадцатитрехлетний Дэн недавно окончил университет Дьюка. Чарли наняла его по настоянию Тодда и уже замечала улучшения в своей игре.

Большую часть тренировки они работали над знаменитым бэкхендом Чарли. Тодд считал, что после травмы она боится задействовать левую руку – и был прав. Однажды он накричал на нее, когда она одной рукой отбила резаный: «Ленишься! Твое запястье полностью восстановилось. Если есть проблемы, о которых я не знаю, скажи мне! Если нет, выкладывайся на полную». Так продолжалось три часа: Чарли бегала по задней линии и от задней линии к сетке, делала выпады к мячу, выпрыгивала вверх, подавая подачу; Дэн, словно стенка, возвращал каждый удар. Тодд кричал, пока не охрип и со лба не полился пот: «Это все, на что ты способна? Если так, ты просто безнадежна!»

В долгожданный перерыв Дэн, наливая воду в ее бутылку, сказал:

– Он очень суров с тобой.

Чарли покосилась на Тодда, который перешел на другую сторону корта, чтобы ответить на телефонный звонок.

– И хорошо. Мне это нужно.

Дэн хмыкнул.

- Что? Ты не согласен? Раньше у меня был самый вежливый тренер на свете, и где я теперь? Тодд, может, и не плюшевый мишка, зато дело свое знает.

- Да. Насколько мне известно, у него больше учеников с титулами Большого шлема, чем у любого другого тренера.

Дэн сделал несколько глотков воды, хотя по его виду нельзя было сказать, что ему это так уж нужно – он почти не вспотел.

- Конечно. Он вывел из небытия Адриана Эверсола, и тот выиграл три Шлема за один год. Я – первая женщина, которую Тодд согласился тренировать, – с гордостью добавила Чарли.

- Круто, – рассеянно кивнул Дэн.

Телефон Чарли загудел: пришло сообщение.

Сколько там у тебя времени? Позвони. У меня новости!

Не могу позвонить. Скажи сейчас.

Чарли улыбнулась. Пайпер постоянно влипала в какие-нибудь истории; Чарли мало что доставляло столько удовольствия, как опосредованное участие в рискованной жизни подруги. Они редко виделись, зато всегда общались так, словно разошлись накануне.

Ни за что, развратница. Позвони мне.

Кого это ты назвала р.? Подумаешь, я вчера переспала с М. после того, как мы случайно столкнулись в коридоре...

Класс! Я, наконец, на тебя повлияла?

А кто бы выгнал его из постели???

И то верно. Позвони, когда сможешь.

– Чарли! – рявкнул Тодд. – Делай растяжку! Ждем тебя в машине в двадцать минут двенадцатого. Дэн, идем.

Дэн бросил стакан в мусорное ведро и побежал за Тоддом.

Чарли взглянула на часы – хватит ли времени позвонить Пайпер? – но решила подождать до гостиницы. Она вытерла полотенцем пот со лба и шеи, сделала несколько растягивающих упражнений. Становилось жарче, и Чарли сбрызнула солнцезащитным кремом открытые участки кожи. Ранние морщины на лице неизбежны – одиннадцать месяцев из двенадцати график теннисного турне буквально гонится за солнцем по всему земному шару. Чарли где-то читала, что семьдесят процентов профессиональных спортсменов, которые тренировались и играли на открытом воздухе, к пятидесяти годам получали рак кожи. Марси всегда настаивала на солнцезащитных кремах, кепках и свободной тренировочной одежде из ткани с защитой от ультрафиолета, но теперь, с Тоддом, Чарли меньше обращала на это внимание.

Ей вдруг захотелось сфотографировать свой гигантский флакон крема «Ла Рош-Позе» и отправить снимок Марси с каким-нибудь смешным комментарием. Когда телефон зазвонил снова, она на мгновение подумала, что Марси прочла ее мысли и решила с ней поболтать, но, даже не глядя на экран, Чарли знала: никто не станет дружески болтать с тем, кто его уволил.

– Алло?

Она задержала дыхание, ожидая ответа. Из всех трудностей, возникающих при постоянных переездах с места на место – задержки рейсов, нарушение биоритма, безликие гостиничные номера, невозможность поддержания личных отношений, – одним из самых раздражающих факторов было отсутствие определителя номера. За пределами родной страны определитель номера не работал, поэтому каждый звонок мог стать как приятным, так и неприятным сюрпризом.

– Чарли? Это я. – Голос Джейка звучал так, словно ее брат находился отсюда не за пять, а за миллион миль.

– Привет, я иду в душ. Как дела?

– Просто хотел уточнить – все в силе? Ужинаем вечером все вместе? Дэн придет? Мне надо подтвердить заказ, поэтому я должен знать, сколько нас будет. Кстати, папа хочет сегодня отпраздновать твой день рождения.

– Хм... думаю, будем только мы – ты, я, папа и Тодд. Дэн ясно дал понять, что когда он не работает, у него свои дела. Или, может, ты хочешь пригласить кого-то еще? Раз уж мы празднуем день рождения...

Чарли перекинула чистое полотенце через шею и направилась к выходу с корта. Навстречу ей шла Наталья Иванова, красивая русская, в данный момент занимавшая первое место в мировом теннисном рейтинге. Когда Наталья проходила мимо, ее сумка с ракетками больно ударила Чарли по бедру.

– Извини, – вежливо сказала Чарли.

– Что? Ты мне? – спросил Джейк.

– Нет, не тебе. Столкнулась кое с кем на выходе с корта. Ничего страшного.

Наталья фыркнула.

– Да, ты давай заботься о своих манерах, а я позабочусь о своей победе, – насмешливо сказала она.

Чарли не успела придумать ответ. Наталья отвернулась и последовала за своим тренером и спарринг-партнером, болтая с ними на гламурной смеси французского, русского и английского языков.

– Терпеть ее не могу! – прошипела Чарли в трубку, растирая красные царапины на бедре. – Почему она такая стерва? Я стараюсь быть вежливой, а она всегда так зло со мной говорит.

– Ты о Наталье, я угадал? Хорошо. Преврати свой гнев в желание победить. Хотел бы я увидеть вас двоих в финале. Да и весь мир хотел бы. И, конечно, твои спонсоры.

Чарли так сильно сжала кулаки, что ногти вонзились в ладони. Финал Большого шлема. Против Натальи. За такую возможность она отдала бы все, что угодно. Все долгие годы тренировок на корте и в тренажерном зале, годы пота и жертв – все это будет оправдано, если она получит шанс победить Наталью на глазах у всего мира.

Чарли до сих пор в подробностях помнила их первую встречу. Она выступала в нескольких соревнованиях в западной части США. Ее отец тогда еще не нанял Марси и сам сопровождал Чарли в поездках за пределами родного региона. Наталья в течение многих лет тренировалась в одной из спортивных академий Флориды, но ее мать (и по совместительству ее менеджер) была не в восторге от тамошнего уровня подготовки, поэтому она перевела Наталью в маленькую престижную академию возле Сакраменто. Впервые Чарли и Наталья играли друг против друга в турнире «до четырнадцати лет», где обе дошли до полуфинала, и Чарли была поражена, увидев, что Наталья откровенно жульничает на ударах по линии. На большинстве юниорских турниров не присутствовали линейные судьи или судьи на вышке, однако юным теннисисткам постоянно внушали понятия о спортивной чести и этике. Наталья тогда выиграла, и следующие два года она побеждала в каждом матче против Чарли. Наконец, при поддержке Марси, на турнире «до шестнадцати лет», который проводился в Боулдере, штат Колорадо, Чарли подала официальную жалобу, и на корте присутствовал наблюдатель. В тот день Чарли ее впервые обыграла, и она до сих пор помнит, с какой ненавистью смотрела Наталья, когда Чарли подняла в воздух турнирный трофей.

Так возникло их непримиримое соперничество – по крайней мере, со стороны Натальи. Сама Чарли не любила конфликты и всегда старалась сглаживать

острые углы. Мать внушала ей, что в любой ситуации нужно вести себя достойно, поэтому Чарли держалась от Натальи подальше. К сожалению, Наталья не облегчала ей задачу: при случае говорила Чарли колкости, пыталась увести у нее Марси и кокетничала с каждым парнем, к которому Чарли проявляла хоть малейший интерес. Не только Чарли была ее мишенью – Наталья была злой и мстительной со всеми в турне. Особенно безжалостна она была с привлекательными ровесницами, тем более, если их показатели угрожали ее первому месту в рейтинге.

– Чарли? – окликнул Джейк.

– Ах, да, прости. Мне надо бежать. У меня обед с Тоддом – он хочет поговорить о стратегии, – а потом тренажерный зал с часу до трех. И я еще надеюсь успеть на массаж, прежде чем ехать обратно в отель. Ужинаем в шесть?

– Заметано. Я скажу папе. Он сейчас гуляет по центру Мельбурна, практикует свой акцент Крокодила Данди на ни в чем не повинных владельцах магазинов.

Чарли засмеялась. Наталья бросила на нее гневный взгляд.

– Тихо на корте! – крикнула она.

– Не надо так волноваться, – проговорила Чарли себе под нос. – Я уже уйду.

Глава 6

Нет больше милой девочки

Мельбурн.

Январь 2016

Парень в узком европейском костюме налетел на Чарли, едва она вошла в ресторан.

- Шарлотта! Как я рад вас видеть!

Чарли рылась в памяти, соображая, кто он такой. Муж какой-нибудь теннисистки? Вряд ли: смахивает на гея... хотя в наши дни их не разберешь. Коллега Джейка из «Элит атлет менеджмент»? Приятель Тодда? Человек, с которым она общалась десятков раз и который может обидеться, если она не вспомнит его имя?

- Привет! Я тоже очень рада! - воскликнула она, пожалуй, чересчур восторженно. Только бы не пришлось его кому-нибудь представлять.

- Отличный первый матч! - с не меньшим восторгом откликнулся парень.

- Спасибо, мне определенно повезло. Скрестим пальцы, чтобы завтра все прошло не хуже.

- Да, вы ведь играете завтра днем! Обслужим вас наилучшим образом.

Так, по-видимому, он работает в этом ресторане.

Помощница Тодда зарезервировала столик в «Ботаникал» еще месяц назад. В какой бы город они ни приезжали, Тодд выбирал для ужина самый модный ресторан.

«Это твой имидж!» - неизменно отвечал он, когда Чарли спрашивала, почему нельзя пойти в менее пафосное заведение.

- Ваш отец и брат уже за столиком. Тодд еще не приехал, но он позвонил и сказал, что уже в пути.

Не пришел рано - опоздал, невольно подумала Чарли.

- Вы знакомы с Тоддом?

– Дорогая моя, этот человек приводил сюда каждого своего ученика с тех пор, как мы открылись. Всех лучших теннисистов. Сюда приходят, чтобы отпраздновать победу, и сюда же приходят, чтобы ронять слезы в минералку, когда проигрывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Приглашение на матч, выданное организаторами турнира теннисисту, не прошедшему общую квалификацию. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: https://telnovel.com/vaysberger_loren/igra-na-vylet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)